

№6
Июнь 2021

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

«ЛЮБОВЬ ВСЕГДА
ВЕРТИКАЛЬНА»

85

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6⁽¹⁸⁸⁾
Июнь 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**საზოგადოებრივ-მხატვრული** გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «ЛЮБОВЬ ВСЕГДА ВЕРТИКАЛЬНА»
МАРИНА ДМИТРЕВСКАЯ
- 10 «БЫЛА В ТВОЕЙ ЖИЗНИ ГРУЗИЯ!»
- 13 ФЕЙЕРВЕРК В «БАЛТИЙСКОМ ДОМЕ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ИЗБРАННЫЕ И ВЕЛИКИЕ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 СТРАТЕГИЯ ЖИЗНИ ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА МЖАВАНАДZE
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 38 ПЛАН «БАРБАРОССА» И РЕЙХСКОМИССАРИАТ «КАВКАЗ»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 44 УЦХО
НИНА ШАДУРИ
- 51 «ДОРОГА ЦВЕТОВ» ЛЮСИ АРТЕМОВОЙ

На обложке – РЕЗО ГАБРИАДZE – 85

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

МОРСКИЕ СЛОВА АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА

История, как известно – дама своенравная, и в фавориты к ней попадают далеко не все исторические персонажи и события. Скажем, во все учебники вошло описание Ледового побоища 1242 года, а о гораздо более крупном и значимом сражении при Раковоре с тевтонскими рыцарями, выигранном союзом русских князей при участии Дмитрия – сына великого Александра Невского, мало кто слышал. А ведь оно приостановило немецко-датскую экспансию на северо-запад Руси на тридцать лет. Или все знают Куликовскую битву, но до недавнего времени не слышали о великой победе при Молодах в последнем крупном сражении Руси со Степью во времена Ивана Грозного. Так же и с Выборгским сражением. О морских победах русского флота и в книгах написано, и в кино снято. Любой школьник, если он не завзя-

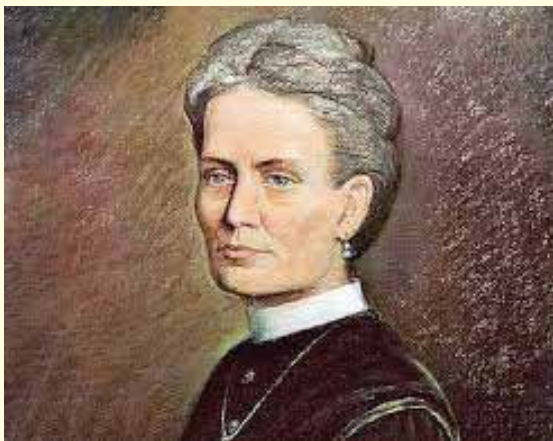
тый двоечник, слышал о победах при Гангуте, Чесме или славных викториях Ф.Ф. Ушакова у мыса Тендра и при Калиакрии. А ведь Выборгское сражение в русско-шведской войне 1788-1790 было гораздо масштабнее и значительнее. Представьте себе, с обеих сторон сражались до 550 вымпелов, и победа осталась за русским флотом. А дело было так: очень амбициозный шведский король Густав III, между прочим, двоюродный брат императрицы Екатерины II, вознамерился повторить подвиги своих предков – Густава Вазы и Карла XII. Его целью было южное побережье Балтийского моря и даже захват Санкт-Петербурга. Это, конечно, было бы очень круто, но вот масштаб данного государя был мелковат – изящный франт, любитель роскоши и пышных балов, франкофил и покровитель искусств. В истории он остался просвещенным монархом. Но воином он был никаким, хоть, по справедливости, и не трусом, к тому же о его ориентации ходили смутные слухи. Екатерина Алексеевна его не любила и презрительно называла «толстым Гу». Формально война разгорелась из-за финских владений, на которые претендовали обе державы. А у Густава был в фаворитах далеко не один склочный интриган – все эти любимцы яростно подталкивали короля к решительным действиям. И вот в начале лета 1790 года Густав со своим братом, лучшими адмиралами и практически со всем флотом сгруппировался в Выборгском заливе для последующего решительного броска к Петербургу. Им оставался всего один дневной переход. Шведы ждали, когда закончатся белые ночи, чтобы действовать скрытно в наступившей темноте. Но русские тоже не дремали, они собрали все наличные силы и блокировали шведский флот у входа в залив. А тут еще по берегу к Выборгу стали подходить русские сухопутные войска. Положение шведов становилось очень неприятным, и они решились на прорыв. Темной ночью 22 июня, дождавшись попутного ветра, шведская эскадра на всех парусах совершила прорыв по северному фарватеру, который прикрывал отряд всего из пяти линейных кораблей. Основной флот под командованием Василия Чичагова находился в стороне и сумел помочь, а затем и преследовать противника только спустя часа-три-четыре. Но небольшой отряд выстоял до подхода русских основных сил и нанес большой урон пронесившимся мимо шведским судам. Виктория была полная – шведы потеряли 64 судна, в том числе 7 линейных кораблей, 3 фрегата, 21 канонерскую лодку и 16 транспортных судов. Потери в людях только погибшими и ранеными составили около 7 тысяч человек, а еще 17

тысяч пленными. Потери русских: 117 убитых и 164 раненых и одна небольшая шхуна. Сам король едва спасся от плена, его вывезли финские рыбаки на маленьких лодках узкими протоками среди окружающих бесчисленных островов. Историки считают Выборг «крупнейшей морской победой русского флота за все время его существования». Спустя несколько дней адмирал Чичагов – его 295-летний юбилей отмечался этой весной – предстал перед светлыми очами царицы. Екатерина Алексеевна была с ним мила и любезна, попросив рассказать о сражении, не упуская деталей. Она внимательно слушала старого адмирала, который забылся и вдруг стал рассказывать о битве в таких лихих мужских выражениях, что опомнился только когда окружавшие их побледневшие придворные испуганно стали делать ему отчаянные знаки. Моряк понял, что натворил и повалился на колени: «Простите старика, матушка Государыня, не ведаю политесов – бес попутал!» Императрица же приветливо ему ответила: «Продолжайте, Василий Яковлевич, продолжайте. Правда, я всех ваших морских слов не разумею, но мне все равно очень-очень интересно». И ее можно понять – согласитесь, ведь и любому интересно было бы послушать, в каких выражениях старый морской волк рассказал о сражении. Такого в книжках не встретишь!

ЮБИЛЕЙ ПОЛЕЗНОЙ КНИГИ

Ровно 150 лет назад в 1871 году вышло первое издание знаменитейшей книги Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве». Это был настоящий бестселлер даже для поздних времен. На книжных полках многих домов можно было увидеть этот пухлый том с потрепанными, выпадающими от частого перелистывания страницами. Многие советские домохозяйки переписывали из этой книги кулинарные рецепты и делились ими друг с другом. Забавно было просто полистать это свидетельство забытого быта. Особенно нас, мальчишек, умиляло деление блюд на «для господ» и «для людей». Потому что «для людей» положено было по книжке Молоховец готовить так, как не готовили даже для новых «господ» – да и описываемая еда была из забытых продуктов, ставших при советской власти дефицитом. А сколько у Молоховец было полезных советов! А какие редкостные блюда там описывались! Мало кто мог воспроизвести все напечатанное на своей кухне. Известен лишь один че-

ловец, вознамерившийся совершить такой подвиг – это великий изобретатель телевидения Иван Зворыкин. Он в период американской эмиграции вместе со своим старым поваром, вывезенным еще из России, год за годом готовили еду только по рецептам Молоховец. Но и они в итоге сдались – Зворыкин остановился на дегустировании бесчисленных наливок. При жизни автора было не менее трех десятков переизданий. Но вот следующих пришлось ждать аж до конца XX века.

СВАДЬБА В БЕЛОМ ДОМЕ

В последней четверти позапрошлого века в Соединенных штатах Америки был президентом Гровер Кливленд. Он не был столь значительным государственным деятелем, как, скажем, Джордж Вашингтон или Авраам Линкольн, но все-таки оставил свой необычный след в истории своей страны: в период его правления состоялась единственная свадьба в Белом доме – резиденции американских президентов. В начале июня 1886 года 49-летний президент женился на 21-летней Фрэнсис Фолсом. Это первый и единственный случай свадебного торжества в таком серьезном месте, а Фрэнсис стала самой юной первой леди Америки.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОКРАТЕ

Иногда историки знают год рождения давно жившего исторического деятеля, но не знают точного дня. И по традиции месяцем рождения ему выбирают июнь – с древности люди чаще всего свадьбы справляли по окончании сбора урожая в начале осени, и последующее рождение ребенка происходило именно в начале лета. Так что не удивляйтесь, когда именно этим первым летним месяцем датируются рождения бесчисленного числа знаменитых исторических персон. Так и в нынешнем году в июне вспоминают о великом древнегреческом философе Сократе и великом французском драматурге Корнеле, которому исполнилось 6 июня 514 лет со дня рождения.

Но сегодня поговорим о гениальном Сократе. Он родился в Афинах 2490 лет назад. И что интересно, по свидетельству Диогена Лаэртского, это произошло в день 6-го фаргелиона. Этот месяц приходился на конец мая-начало июня. Но многие эту дату считают сомнительной. Отец Сократа был скульптором, а мать почитухой. Семья была не богатой, но и не бедной. И хотя Ницше писал, что Сократ «был черню», это скорее всего не так. Философ всю жизнь дружил со многими аристократами, в том числе с «отцом афинской демократии» Периклом и его подругой Аспазией, а также с выдающимся полководцем Алквиадом, бывшим его верным учеником. К тому же Сократ был храбрым воином-гоплитом – эти воители не могли быть простолюдинами и покупали свое оружие и доспехи сами. Они происходили из сословия зевгитов – зажиточных землевладельцев. Да и «нищим философ» Сократ стал выглядеть лишь к концу жизни. Он участвовал во многих войнах и прославился своей храбростью, в частности, спас жизнь тому же Алквиаду. С юности Сократ учился у известных мудрецов и прекрасно умел читать и писать. Однако письменными трудами этот философ себя не утруждал – все сказанное им в спорах и беседах дошло до нас по воспоминаниям его друзей. Испробовав благополучную жизнь довольно неплохого скульптора, он решил стать человеком «вольных

занятий», а именно заниматься беседами с учениками. Говоря современным языком, он – «хиповал», и, с точки зрения приличных граждан, был бездельником и бродягой. Хотя при этом был женат (и даже дважды) и имел троих детей. Сократ считался непобедимым спорщиком, искусным оратором и у него было множество учеников. Но был он абсолютным бессребреником и вел жизнь парасита. Так называли своеобразных нахлебников – помощников при религиозных обрядах, которых принято было приглашать к столу. Он бродил в старой одежде босиком, отказывался от дорогих подарков и любил приставать ко всем прохожим с философскими вопросами. Естественно, добытчиком в семье он был никаким, за что его часто поколачивала легендарно сварливая жена Ксантиппа. А еще приличные люди, хоть его и уважали, но считали убежденным богохульником и полагали, что у него нет моральных принципов. Что было абсолютно несправедливо. Со-

крат создал новую философию, называемую диалектикой и майевтикой, и в своей методологии отталкивался от внутреннего мира человека. А еще он не учил, а беседовал, стараясь не навязать собеседнику собственных воззрений, а переубедить. Кончилось это все для него плохо, семидесятилетний Сократ был обвинен в святотатстве и пагубном влиянии на молодежь и приговорен к смерти. Как афинянина его не отдали палачу, а заставили выпить яд. «Я знаю, что ничего не знаю», – так говорил этот один из самых мудрых людей в истории, что признали даже древнегреческие боги устами дельфийского оракула, провозгласившего Сократа умнейшим из людей.

Резо Габриадзе

«ЛЮБОВЬ ВСЕГДА ВЕРТИКАЛЬНА»

К 85-летию Резо Габриадзе

■ Марина ДМИТРЕВСКАЯ

Трудно поздравлять с юбилеем человека, которого знаешь лучше самого себя, потому что написал о нем две книги... О человеке, который дал миру столько красоты, любви и искусства, что вряд ли кто-то из новейшего времени может сравниться с ним. Конечно, я о Резо Габриадзе.

«Муза – через два «з»?», – спрашивал в одном фельетоне музыковед своего коллегу. «Нет, через два «з» – «мировоззрение»».

Мировоззрение Резо Габриадзе – это Муза через два «з»...

У Резо несколько дней рождения. Вообще он родился 22 июня. Но перепутавшая в 1936 году все календари Совдепия, олицетворенная в тот момент Кутаисским загсом, записала в метрике 29 июня. И ошиблась, потому что Резо родился не дважды, а гораздо большее число раз!

Сперва он родился просто как сын своих родителей Левана Николаевича и Софии Варламовны и как внук дедушки Варлама и бабушки Домны, ставших потом легендарными куклами. Особенно бабушка. Кто не помнит, как в «Осени нашей весны» она мыла паровоз и предостерегала Борю Гадея от кривого пути?..

Потом Резо родился как юный скульптор и «правнук Родена» в мастерской своего учителя Валико Мизандари – ученика Якоба Николадзе, делавшего после войны надгробные памятники. Его именем он назвал потом героя «Мимино», а судьбу Валериана Николаевича отдал герою замечательного фильма «Необыкновенная выставка». Кутаисский послевоенный мальчишка из этого фильма сидит теперь бронзовой скульптурой на кутаисском Белом мосту – как памятник детству Резо Габриадзе

зе и фильму Георгия Шенгелая.

Потом он, проучившись во многих институтах и даже поработав бетонщиком на строительстве ИнгуриГЭС, а также журналистом последних полос в малоизвестных газетах, родился как сценарист. Не так давно в солидной киноэнциклопедии я прочла, что фильмография у Габриадзе «крошечная, как птичка». Все хочу встретиться с автором статьи и обсудить с ним размеры крыл этой «птички», распростершихся на 38 фильмов. Среди них не только классические грузинские короткометражки про романтических дорожников и упомянутые чуть выше большие картины, ставшие настоящим «народным кино», но еще, например, «Чудаки», «Необыкновенная выставка», «Паспорт»...

Одновременно Резо родился как художник-живописец, потому что сюжеты появлялись одновременно на бумаге и на холсте. Живописцем в первую очередь он себя и считает.

И естественным образом из всего этого возник уникальный театр – Тбилисский театр марионеток, который во всех смыслах построил Габриадзе.

Никто не возразит мне, если я скажу, что спектакли «Альфред и Виолетта», «Осень нашей весны», «Дочь императо-

ра Трапезунда», «Сталинград» – это абсолютные шедевры на все времена. При упоминании героя «Осени» птички Бори-Гадея, абсолютного рыцаря, который работал птичкой-вылеталкой у фотографа Яши и совершал подвиги ради бабушки Домны, – у людей разглаживаются лица. «Лири» Резо много десятилетий пробуждает чувства добрые, а маленькому театру рукоплескал весь мир.

В последние десятилетия Габриадзе родился как дизайнер, создатель уникальных интерьеров ресторана «Мадам Галифе» в Москве и кафе «У Резо» возле его театра.

А в 2010 году возникла уникальная башня, позже – Пасхальный родник. Это теперь едва ли не самое туристическое место в Тбилиси. Башня и родник завершили концепцию театрального пространства, которое создавалось с 1980 года. На площади, где стоит Анчисхати – храм Рождества Пресвятой Богородицы, течет Пасхальный родник. Кафе, театр, Пасхальный родник – символ бессмертия души – и башня, отсылающая к классическим традициям, – все это философски сцеплено и сцементировано как концепция Мира. В башню Габриадзе постоянно вносит поправки. Недавно вот появилась маленькая латунная табличка: «Если хочешь узнать, сколько весила Земля до тебя, – подпрыгни».

Еще он рождался как книжный график, работник ОВИРа (в годы советской власти они с Андреем Битовым решили выдать заграничную визу «невыездному» Пушкину и отправили нарисованного тушью поэта в разные страны).

В 90-е Габриадзе родился как мини-монументалист: кроме памятника Чижик-Пыжику, который экскурсоводы Петербурга «по рекам и каналам» показывают наряду с Медным всадником, он сделал памятник Носу майора Ковалева на Вознесенском проспекте, памятник Рабиновичу в Одессе...

С легкой руки Резо Габриадзе страна давно поняла, что «любовь всегда вертикальна» и что Телави — это не Тель-Авив, при этом мало кто догадывается, что слово «пепелац» проис-

После спектакля

Уютный зал театра Резо Габриадзе

Мастер и его марионетки

Георгий Данелия и Резо Габриадзе

ходит от грузинского «пепела» (бабочка) и что летучее счастье смеха и слез им подарил тот же Габриадзе, написавший сценарии к классическим фильмам.

А если говорить совсем серьезно, то театр Резо Габриадзе, который существует в мировой культуре последние три с лишним десятилетия, является абсолютным художественным феноменом, поскольку абсолютным его Автором-создателем (драматургом, режиссером, художником, скульптором, дизайнером интерьера и даже музыкальным оформителем, а также творцом художественной среды вокруг театра) является один человек. Человек, отличающийся ренессансной одаренностью. «Резо Габриадзе наделен ярко выраженной индивидуальностью, что во всех видах искусства редкость. Зная о разносторонности его дарований, я всегда опасался, что он начнет еще и писать музыку, и тогда я не смогу более участвовать в реализации его бесконечных фантазий...», — признавался Гия Канчели. Сам Габриадзе уточнял: «Это, конеч-

но, шутка, то, что я сейчас скажу. Есть такая чудесная книга, написанная Вазари, «История Возрождения». И я когда ее прочитал, то подумал, что там не хватает чего-то, какого-то показателя падения всего после такого взлета. Вот я и решил на своем примере показать это падение, во что может вылиться увлечение многими видами искусства».

Резо Габриадзе

Габриадзе создал живой многонаселенный мир, имеющий собственные эстетические, этические, философские, религиозные, композиционные и пр. законы. Важно, что персонажи, темы, идеи, фабульные ходы, сквозные мотивы, перетекающие сюжеты, герои, горизонты смыслов и даже словесные образы живут в этом целостном, законченном мире по законам органической жизни, кажется, уже давно сами по себе, объединенные только личностью их создателя. А этот создатель переносит излюбленные образы с живописных полотен в пьесы и сценарии, а из рассказов и повестей — на сцену театра и в графические листы. И я сама уже не понимаю, а что правда, и не помню, кто из какого рассказа (я записала их очень много, они составили часть книги «Театр Резо Габриадзе», 2005), а только послевоенный Кутаиси, врач Исаак Минович, провизор Яша, уважаемый Ишхнели, Люся Терк или директор филармонии Давид Сарджвеладзе мне — как родные. Одному Богу известно, кто из них жил на самом деле (хотя недавно я нашла на кутаисском кладбище реальные могилы некоторых), а кто придуман, просто я давно знаю этот реальный и теплый мир габриадзевских сновидений, где персонажи переходят из сюжета в сюжет.

В предисловии к «Осени нашей весны» Резо признавался:

Театр марионеток Резо Габриадзе

«Однажды древнему китайскому философу приснился сон, что он бабочка. Проснувшись, он всерьез задумался, кто он: человек ли, которому приснилась бабочка, или спящая бабочка, которой снится, что она – человек. Когда я теперь вспоминаю события сорокалетней давности, то и не перерождаясь в бабочку, оказываюсь ровно в его положении. Что такое сейчас? – то, что было, или то, что будет?..» Жизнь в неуловимом пространстве между сном и явью – особое душевное состояние Габриадзе, особый его склад, строй, и спектакли тоже погружали нас в этот «пограничный» мир сна-реальности.

О Габриадзе трудно писать и потому, что он – «персонаж», то есть персонификация художественная. От обычных смертных такие люди отличаются особой «сюжетностью» жизни. Здесь все происходит неслучайно, притягивается некоей художественной силой, и невозможно отличить, где миф, а где реальность. Скажем, в начале 90-х, в смутное время без ясных перспектив, идя по пасмурному

Невскому, Габриадзе произнес в пространство: «Хочу поставить спектакль с Наташей Пари...» Это был полный бред: где он, только что приехавший из Грузии, – и где Наташа, жена Питера Брука? К тому же Резо никогда не ставил спектакли ни с кем, кроме кукол... Но прошло два года – и он сделал с Наташей Пари два спектакля в Швейцарии и во Франции: «Какая грусть, конец аллеи...» и «Кутаиси»...

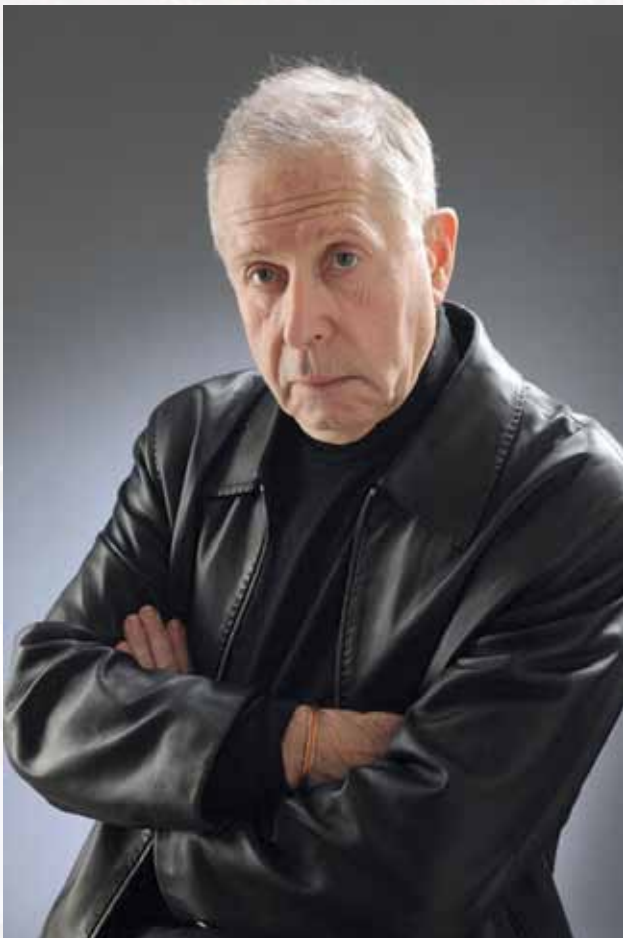
В 1988 году в Тбилиси я попала на замечательный спектакль Михаила Туманишвили в Театре киноактера «Наш городок» по пьесе едва знакомого мне Габриадзе, который переделал тогда пьесу Торнтон Уайлдера, перенес действие в грузинский дворик. В финале Ведущий произносил, глядя на часы: «Уже без пяти одиннадцать. До свидания...» Хотите верить, хотите – нет, но, придя в гостиницу, я обнаружила, что без пяти одиннадцать у меня остановились часы. Потому что в ту минуту кончилась жизнь, вторая реальность, которая сильнее первой, сильнее действительности. Об-

щаясь с Резо и его искусством, всегда нужно было предполагать такие «остановки» часов.

«1/2 умный и пишу что-то... И вот еще, чем мрачнее жизнь, а у нас другой не бывает, тем больше надо отходить от не и не включаться, создать свой космос и летать там на своей персональной тихой орбите, и пройдут года...», – писал мне Резо в письме еще в 1993 году. Прошли года, и он создал свой заверченный художественный космос, в который приходят теперь толпы людей, попадающие в орбиту Габриадзе.

А еще всегда помню его главный совет: «У тебя в кармане всегда должны лежать два желудя: суешь руку в карман, а они там лежат, и ты их чувствуешь, перебираешь...»

Теперь, когда Резо – 85, и много людей (я знаю) молятся о том, чтобы он только был жив и здоров, лучшим подарком ему будет добрая благодарная энергия миллионов зрителей, посланная мысленно в Окрокана, где он сейчас живет. Там ему лучше дышится.

Юрий Ряшенцев

«БЫЛА В ТВОЕЙ ЖИЗНИ ГРУЗИЯ!»

16 июня исполняется 90 лет Юрию Ряшенцеву – выдающемуся поэту, переводчику, прозаику, эссеисту, сценаристу.

Невероятная удача – свой юбилей Мастер отметит в Грузии, на берегу Черного моря, в рамках Международной Летней театральной школы «Шеквели-2021» – в кругу друзей, читателей и почитателей.

Десять лет назад нам так же повезло – 80-летие поэта мы праздновали в дни Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, на котором Юрий Ряшенцев был почетным гостем. «Так получилось, – рассказывал сам Юрий Евгеньевич, – что мой приезд в Грузию совпал с моим днем рождения. Мы с нашими гостеприимными хозяевами – представителями Союза «Русский клуб» отправились в ресторан, в Мцхета. И вот хозяин ресторана, узнав о моем юбилее, извинился, куда-то ненадолго отошел, а через полчаса в нашем ресторане неожиданно появился ансамбль дудукистов. И очень долго нас своей музыкой улаждал. Это было приятно и трогательно. Я был переполнен положительными эмоциями...»

«Грузия была нашим праздником», – так начинает свои воспоминания о Грузии Юрий Ряшенцев. И так же называется книга из серии «Русские в Грузии», изданная Союзом «Русский клуб» в ознаменование 90-летия со дня рождения любимого поэта.

Эту книгу вы прочтете, без сомнения, на одном дыхании. На ее страницах – прекрасные стихотворения, легендарные имена, необыкновенные истории – забавные и проникновенные, веселые и горестные... Но самое главное, она исполнена такой светлой любви и нежности к Грузии друзьям, к грузинской поэзии, что, ей-богу, начинаешь самому себе завидовать, что живешь в этой чудесной стране, которую так горячо и преданно любит замечательный поэт.

Стихотворения и переводы для книги Юрий Евгеньевич отобрал сам.

Предлагаем вашему вниманию некоторые из них.

ОБЪЯСНЕНИЕ С ТИФЛИСОМ

Удержусь от слова – не от жеста,
дотянусь до свежего листа.

Ах, какое все-таки блаженство –
возвращаться в милые места!

На балконе иверском высококом
изучать без нужды и не впрок
дивный кавардак тифлисских окон –
их письмо, не знающее строк.

Вот проснусь от дружеского клика,
и опять – в огне Мама-Давид:
Это тихо, розово и дико
дерево иудино горит.

А внизу со скрипом окаянным
мчат авто, и все – на свой манер,
и скворцом в скворешнике стеклянном
над толпой живет милиционер.

И, как встарь, на женские колени
со скамьи взирает тяжело,
полон темперамента и лени,
замерший со щетками Ило.

Пластика юнцов, идущих мимо,
спор старушек – все это одна
гениальнейшая пантомима
в странной режиссуре болтуна.

И душой, являемой не сразу,
северной, медлительной душой,
вдруг прижмусь я к тесному Кавказу
к толкотне – неужто же чужой?

Посули мне, сдержанность, удачу.
Но, слова от жестов оградив,

все равно ведь плачу, снова плачу
на хевсурский давешний мотив.

Где уж мне, счастливому, про счастье!
Только поздоровался – прощайся.
Экая
далекая
неверная стезя!
Кахетинский камень – на рассвете,
на закате – сваи в Имерети.
Замер
«Мравалжамиер» –
без музыки нельзя!
Без нее и плакать не стыдимся,
и перед дорогою садимся –
вечную
неточную
примету соблюсти.
Это было между мной и вами...
Музыки! Что выразишь словами?
Явлено.
И – кончено!
И с места не сойти!

Прощайте, горы, здравствуй, берег!
Языческий колхидский вид.
Рычат Кура, Арагва, Терек,
а море знает, но молчит.

Вечернее открытье мира.
Большая древняя вода.
Сухой бесплодный сук инжира –
он был смоковницей тогда.

Легко о смерти говорить с грузином:
он с ней – как с древним
треснувшим кувшином,
почтенна эта глина, но, видать,
ей вольного вина не удержать.
От невской или москворецкой влаги
во мне ни веры той, ни той отваги –
моя отвага не сильнее ума,
но смерть и мне сомнительна весьма.
Не оттого ли в кураже едином
опять о смерти говорим с грузином.
«Отдай нам всех!» – кричим мы ей, вольны,
и перед ней не чувствуем вины.

Мне Цыбулевский говорил: – Взгляни,
в шесть вечера Тбилиси – просто чудо,
сошлись Багдад с Парижем, и они,
ей-ей, друг друга поняли не худо!..

С улыбкой, обращенной на закат,
неявно рыж, неочевидно хрупок,
он уверял меня, что женский взгляд
в толпе – уже отчаянный поступок.

Но строгие обычаи страны
как раз и учат вас, – когда вы зрячи, –
как вы лишь взглядом выразить должны,
что если бы!.. Ах, если б все иначе!..

Закатный час для вечных городов –
особенный. Сверкает грань заката,
чтобы приют всех болей, всех трудов
«когда-нибудь» не путал и «когда-то».

«Когда-нибудь»! А есть оно у нас?
Не спрашивай... Толпа вершит круженье.
И вот опять в ответе чьих-то глаз
не оправданье нам, так – утешенье.

Когда помереть соберусь и я,
пеняя на скудость тропы,
«Была в твоей жизни Грузия!» –
услышу из тихой толпы.
И твердь, как балкон там, над Земмелем,
повиснет, легка, голуба,
как будто чиста перед семенем
чудное растение – судьба.
Знакомой комической вывеской
встречай, неизвестность, меня:
«Здес шасливы»...
Воздух ты иверский,
крылатая воркотня!..

ПЕРЕВОДЫ С ГРУЗИНСКОГО

Галактион ТАБИДЗЕ

ЭЛЕГИЯ

О, тончайший жест природы ты,
сентябрь первоначальный,
нив, коричневых и желтых,
взгляд предгибельный, печальный,
и дубрав огнистых пятна
под небесным тихим светом,
и соломенный оттенок трав,
таких тревожных летом...
Вздых мой, тихое безумье,
мой конец, покуда дальний, –
ты нежнейший жест природы,
о, сентябрь первоначальный!..

Тициан ТАБИДЗЕ

БИРНАМСКИЙ ЛЕС

Лес Бирнамский... Халдеи глубокие тени...
И у пьяного гостя на жестком колене
Леди Макбет нагая. Смертельно бело
одеянье согбенного лорда Пьеро...
Вот Артур. С ним больные его бесенята.
Чианури звучит, в тонких пальцах зажата,
как смычок, отсеченная напрочь нога.
Тотчас самоубийцы, наполнив рога
и бокалы, как будто к заветной отраве,
припадают к ним – слава тебе, моурави!
Круг павлиний замкнулся, и в нем,
 точно зайца,
ярко-желтого гонит Паоло малайца.
И Офелия, быстро взглянув, замечает,
как пощечину звонкую вдруг получает
бледный Гамлет от дерзкой руки Валериана.
На большом эшафоте и зыбко и странно
эфемерный возносится храм. Никому
я не верю... Мучительны нежности Мэри.
Коломбину бьет кашель чахоточный. Двери
закрывает ноябрь, чтоб не слышать ему...

Мирза ГЕЛОВАНИ

ОТЪЕЗД

Пробило шесть. Ну, вот и вышел срок,
Ушел покой, как снег уходит с гор.
Длинна беседа, но ведь путь далек.
Хоть путь далек – не кончен разговор.

Уже от мелкой пыли поседев,
уже глухой ветлы слышав скрип,
я понял: что-то мне не по себе –
не то любовь, не то обычный грипп.

Вот где-то здесь источник ледяной:
коль есть конец у всякого пути,
пусть все, не напечатанное мной,
здесь оживет, как сам я, – во плоти.

Когда с судьбой поладить – не судьба,
уж как-нибудь, я сам расправлюсь с ней.
Но и тогда – прорвись, моя мольба
о возвращенье, влагой из камней.

Иракий АБАШИДЗЕ

ДУХ ЗАЩИЩАЮЩИЙ

Так, значит, не видал?..
Не замечал?..

Не слышал?..
Ни за что не отвечал?
Так, значит, не постиг?..
Не понял сути?..
А просто просыпался, засыпал,
нигде не поскользнулся, не упал,
и тихо процветал в тепле, в уюте?
Так, значит,
ни сомнений, ни печали,
и по ночам раздумья не стучали
в твое окоченевшее окно?
Хоть истина не так проста,
однако
вся тяжесть вопросительного знака
тебе не горбит плечи все равно?
О, нет,
картин былых не воскрешай,
былым речам звучать не разрешай!
Ты только жил.
Ты никого не предал.
Ты жил.
Ты ничего не разрушал.
Не возводил.
Ты только жил.
Дышал.
Не видел!..
Не слышал!..
Не знал!..
Не ведал!..

Хута БЕРУЛАВА

НА МОТИВ СТАРЫХ ТБИЛИСЦЕВ

Пора надежд, потом пора утрат,
Пора ночных тбилисских серенад.
Пою в вечерних сумерках – и пусть
Покой твой сохранят напевы эти.
Большая страсть да небольшая грусть –
Вот все, чем я богат на белом свете.

Завистников зловредная толпа,
Немного славы, честная победа
Да собственные голос и тропа –
Вот все, чего я жду от бела света.

Вечерний луч покинул небосклон
И на твоих коленях спит счастливо.
И я опять пришел под твой балкон
Для старого тбилисского мотива.

И всем, что свято, вновь тебя молю:
Я здесь – не убивай любовь мою.

Сцена из спектакля «Записки сумасшедшего»

ФЕЙЕРВЕРК В «БАЛТИЙСКОМ ДОМЕ»

Инна БЕЗИРГАНОВА

Гоголиада театра Грибоедова пополнилась еще одним спектаклем – «Записки сумасшедшего». Поставщик – Гоги Маргвелашвили. В роли Поприщина выступил Валерий Харютченко. В мае новая работа грибоедовцев с успехом была представлена на XXIII международном театральном фестивале стран СНГ и Балтии «Встречи в России».

Оформление спектакля, предложенное художником Мирианом Швелидзе, минималистично. Сцена представляет собой двухъярусную площадку, с правой и левой стороны которой расставлены стулья. Часть зрителей будет наблюдать за происходящим непосредственно со сцены, на которой находится столик с необходимым для спектакля реквизитом, офисное кресло на колесиках, вешалка с одеждой, микрофон на стойке, велосипед, накрытый тканью, в центре авансцены – небольшой черный вращающийся

диск. Несколько ступеней ведут на верхнюю площадку, где расположена стена, офактуренная перфорированной сеткой. По всему периметру второго яруса стоят черные ширмы. Сцена покрыта половиком темно-бордового цвета.

...Словно выстрел, тишину пререзает резкий звук захлопнувшейся железной двери. Высокая властная женщина и мужчина, видимо, служащий охранного ведомства, выводят на сцену человека в черной маске на глазах. Над ним осуществляется некий эксперимент по принудительной заботе. Оставаясь в маске, осторожно спустившись по лестнице, он становится на диск. Женщина, как некий гонимый, лепящий из глины фигуру человека, вращает его, а затем, усадив в кресло, откатывает в глубину сцены. Опускает маску с глаз «подопечного» и закрывает ею рот. Надзиратель зорко следит за происходящим. А его напарница, продолжая свою странную психотерапию, рывком подносит к прикрытому

маской рту пациента микрофон. Тот так же резко отталкивает его. «Сестра милосердия», которая то ли лечит, то ли калечит, что-то шепчет пациенту – видимо, рекомендует подчиниться правилам.

Человек приветствует публику поклонами. Затем, сняв маску, кланяется небесам. Никто не ведает, что это было, – сон или явь титулярного советника Поприщина? Тем более, что строгая женщина по ходу действия будет представлять его домработницу Мавру, а надзиратель – лакея.

Главный вопрос, который возникает на спектакле театра Грибоедова «Записки сумасшедшего», поставленном по произведению Николая Гоголя, вполне закономерен: а безумен ли Поприщин? При всей неадекватности его слов и поступков? По мнению французского философа и теоретика культуры Мишеля Фуко, в романтической и постромантической традиции «нелепые образы безумия на самом деле являются элементами некоего труднодостижимого, скрытого от всех, эзотерического знания», а романтические безумцы воплощают таинственный, «высокий» аспект восприятия мира.

Новый ракурс понимания

Н. Воронюк и В. Харютченко

сумасшествия появился гораздо позднее. Безумие – не просто «болезнь», как утверждает современный исследователь творчества Гоголя Сергей Анатольевич Шульц, а некая сущностно-антропологическая, философская категория, без которой невозможен разговор о «разуме», «смысле» и т.д. и которая существует для писателя в аспекте слова. Николай Васильевич показывает сумасшествие Поприщина не как клинический случай, а как экзистенциальную проблему – проблему личности и ее самоценности. Такая трактовка феномена безумия стала со второй половины прошлого столетия составной частью европейской философии и психологии.

В спектакле «Записки сумасшедшего» прочитывается вышесказанное: через поток сознания Поприщина открывается не только бездна человеческого духа, но и сложная, трагическая картина мира, стоящего на грани катастрофы. А гоголевский персонаж берет на себя, как ему мнится, трудную миссию спасителя человечества, оказавшегося на краю пропасти. У Поприщина – как и у самого Гоголя – проявляется однажды дар предвидения, в какой-то момент ему становятся понятны и видимы вещи, скрытые для большинства людей. Что

это, безумие? Или эзотерика – то есть глубочайшая трансформация сознания, изменение и расширение восприятия, способностей, благодаря чему человеку открывается тайное знание? «Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которые никто еще не видывал и не слыхивал», – говорит Поприщин. В спектакле Маргвелашвили этим словам придается особое значение – они произносятся дважды. Сначала – когда герою в один миг становится по-

Валерий Харютченко

нятен разговор двух собачонок на улице и позднее – когда его «как будто молнией осветило», и Поприщин готовится провозгласить себя королем Испании.

В некоторых литературоведческих исследованиях «Записок» подчеркивается ничтожность и недалекость Поприщина. В спектакле Гоги Маргвелашвили он отнюдь не таков. Поприщин здесь, при всей его эксцентричности, человек высокого духа, сверхобостренно воспринимающий несовершенство людей, уродливость мироустройства. Поприщину невыносимо трудно вписываться в его законы, сосуществовать с алчными и тщеславными человеческими особями. Потому он и становится, по сути, отщепенцем, изгоем. И его протест не жалок, не смешон, а глубоко трагичен.

Поприщин в спектакле проходит несколько этапов своей экзистенциальной драмы – вплоть до катастрофы. Сначала он пребывает в состоянии эйфории – безумной эйфории влюбленного человека. И на все несправедливости и «разности» мира смотрит сквозь розовые очки. Его душа согрета любовью к Софи, «солнцу с голосом канарейки», недсягаемой и прекрасной, отец которой – генерал! В упоении Поприщин вдыхает одуряющий аромат «случайно» оброненного ею платка, «так и дышащего генеральством»... Хотя для

него понятие «генеральство» не связано лишь с социальным положением, а скорее означает дверь в прекрасный, но запретный мир, почти сказку... И титулярный советник мечтает попасть туда, где чудеса, «рай, какого и на небесах нет». Это отнюдь не стремление к богатству и роскоши, а тяга к красоте и совершенству...

Забавен гипертрофированный образ высокого чиновника, представляемый Поприциным, – писчие перья, очиненные им для директора, собираются в головной убор индейского вождя, который он надевает на себя как корону (намек на его будущее преобразование в венценосную особу). А потом с благоговением «берет в руки» воображаемую голову директора, мечтая проникнуть в его тайные мысли, и как бы жонглирует ею как цирковой артист... Подспудно, вместе с чувством благоговения, в нем вызревают и другие ощущения, не столь трепетные, а скорее – наоборот.

Второй этап драмы Поприщина – прозрение! Идеал прекрасной любви разрушен, и мир предстает перед чиновником таким, каков он есть: во всей своей жестокости и безобразии. То, что он прежде не видел, или не хотел видеть, после перенесенного унижения обрушилось лавиной новых переживаний. «Теперь я все вижу, как на ладони, теперь передо мной все открыто, а прежде все было в каком-то тумане», – восклицает потрясенный Поприщин.

Крушение своих надежд – из переписки собачонок Поприщин узнает о предательстве Софи, которая собирается выйти замуж за камер-юнкера – он переживает страстно... как комедиант Канио из оперы Леонкавалло «Паяцы» – измену своей возлюбленной. В него словно вселяется демон отчаяния. На мелодию знаменитой арии «Смейся, паяц, над разбитой любовью...» Поприщин, нацепив клоунский нос, разыгрывает свой трагифарсовый монолог. Он переживает смятение чувств. Страдает от ущемленного самолюбия, утраченных иллюзий и бросает вызов этому порочному миру. Его обличительный пафос достигает

апогея: «Вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, хриstopродавцы!» В этой сцене Поприщин чем-то напоминает Чацкого и мало похож на безумца.

За свои «хулительные» речи герой Грибоедова тоже был

(биполярное расстройство). Страдания стали катализатором для его парадоксального сознания, и ему явилось новое видение, пророчащее грядущее наказание людей за их бесчеловечные деяния.

Состояние биполярного расстройства характеризуется смелой настроений. Назначивший себя королем Испании Поприщин в какой-то момент вновь (как бы!) обретает почву под

Д. Спорышев и В. Харютченко

объявлен сумасшедшим. Как и его прототип – русский философ Петр Чаадаев. Да и самого Гоголя лечили, как известно, от психического расстройства... Николай Васильевич написал историю несчастного чиновника, когда ему было 28 лет, а его персонажу – 44. И умер Гоголь в этом же возрасте – по одной из версий «от истощения из-за чрезмерного аскетизма, вызванного психической болезнью».

В спектакле театра Грибоедова безумие Поприщина, если так можно выразиться, в чем-то условно. Здесь имеет место момент «как бы» – игры в безумие. Как свидетельствуют современники, сам Гоголь был склонен к мистификациям, что создало почву для появления вокруг него множества мифов. Но в какой-то момент Поприщин заигрывается, и реальность вытесняется его больным воображением

ногами и уже с высоты своего положения смотрит на несовершенных людишек вокруг. Вдохновение, эмоциональный подъем выражает в спектакле... велосипед, украшенный павлиньим хвостом. Оседлав «коня», как Пегаса, Поприщин «въезжает» на нем в... департамент. Не как титулярный советник, а как король Фердинанд Восьмой. Наступила минута его торжества! Кажется, Поприщину в эти мгновения все подвластно – не только играючи подписать канцелярский документ именем «Фердинанд Восьмой» и пренебречь директором департамента, но даже переступить заветный порог спальни обожаемой девушки, чтобы потом вновь произнести обличительный монолог о коварстве всех женщин, влюбленных в черта!

Но не любимая Софи теперь его главная цель – королевский титул необходим, чтобы его на-

Валерий Харютченко

конец услышали.

Непростая задача стояла перед двумя участниками спектакля (Мария Кития, Дмитрий Спорышев), оставаясь как бы зрителями, они вовлекаются в действие самим Поприциным: девушке в первом ряду он сначала определяет роль собачонки Меджи, а затем представляет ее в качестве Софи. Другого «зрителя» в одной из сцен Поприцин шутя назначает на роль... самого себя. Он втягивает в игру и «надзирателей». Этот интерактив вносит в спектакль остроту, юмор, напряжение. Оно нарастает по мере развития действия – в то же самое время углубляется, обостряется конфликт между Поприциным и «медперсоналом», что выражается пластически, – мы видим борьбу между ними, «опекуны» пытаются силой остановить пациента, а он оказывает им сопротивление. И кульминация: когда «Фердинанд Восьмой» осознает, что попал в руки... «инквизиции».

Гоголь вкладывает в уста Поприцина, этого маленького, одинокого человека, мысли планетарного масштаба. Он не желает мстить людям, причинив-

шим ему боль. Страстно хочет защитить мир от надвигающейся катастрофы, спасти людей, не ведающих, что они творят. Тем более, что сейчас Поприцин наделил сам себя полномочиями, чтобы осуществить это! На языке развернутых метафор он совершает открытия глобального характера (например, решает извечную проблему «Восток-Запад»: «Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства!») и стремится предотвратить мировой катаклизм. Несмотря на, казалось бы, совершенно безумные, иррациональные тексты, в них, безусловно, есть и рациональное зерно. К примеру, совершенно ненормальный пассаж о том, что «люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове; совсем нет: он приносится ветром со стороны Каспийского моря», в чем-то перекликаются с «Солярисом» Лема – с идеей его Океана как высокоорганизованной материи.

На сегодняшний день актуален мессианский посыл этого персонажа! Мы ведь живем в страшном, нестабильном мире

и постоянно находимся на зыбкой грани «быть или не быть». Поэтому привидевшееся Поприцину «странное явление» («Земля сядет на луну») воспринимается не как безумие, а скорее как предчувствие большой беды.

Поприцин взывает к окружению, умоляя помочь ему спасти Луну и в конечном итоге – самих себя! Но никто его не слышит. «Инквизиция» совершает над Поприциным насилие. Его бьют, льют на голову холодную воду, а в финале надевают на Поприцина противогаз... Поистине босхианская картина.

«Боже! что они делают со мною! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Я не в силах, я не могу вынести всех мук их... Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Взвейтесь, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего».

Непонятому, отвергнутому Поприцину не остается иного выбора, как навсегда покинуть этот мир – уйти в себя, в свои грезы и видения, в тишину воображаемого покоя. И Поприцин надевает маску.

Валерий Харютченко прекрасно справляется со сложнейшей партитурой своей роли, показывая Поприцина в разных, иногда диаметрально противоположных состояниях, в разной стилистике – комедия, драма, трагифарс, трагедия. Передавая тончайшие нюансы переживаний своего персонажа, амбивалентность чувств.

МНЕНИЯ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Анна Наводничая,
заместитель главного редактора ИА REGNUM:

«Фейерверк в «Балтийском доме». Иначе и не назовешь то, что я вчера увидела в Малом зале театра «Балтийский дом». Спектакль Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени Грибоедова «Записки сумасшедшего» стоит того, чтобы за сутки в два конца отмотать 1200 километров – из Москвы в Питер и обратно.

Начнем с источников. Николай Васильевич Гоголь – один из моих любимых русских писа-

телей. Я ставлю его выше многих российских бытописателей и многих российских мистиков разных лет, даже из тех, когда мистика стала трендом, когда общество и литературу накрыл «Fin de siècle» – сейчас не будем углубляться в Серебряный век, как бы ни манила эта тема.

Но, если говорить о мистике в целом, немца Эрнста Теодора Амадея Гофмана я ставлю выше, чем Николая Гоголя. В градусе собственного сумасшествия и в градусе его литературных описаний.

И никогда Гоголь и Гофман не путались у меня в голове. А вчера спутались. Так много разных проявлений и так много неожиданных режиссерских решений в спектакле, представленном Грибоедовским театром в «Балтийском доме»! Тот самый случай, когда «мы слышим, как свищет бич», и это не фигура речи Иосифа Бродского.

Шесть жестоких безмолвных санитаров, окружающих несчастного Аксентия Поприщина в спектакле режиссера Георгия Маргвелашвили, как шесть сжимающих пространство жизни «маленького человека» плоскостей – четыре стены, потолок, пол – и вот уже ему заламывают руки, унижают окончательно – нет любви, нет статуса, нет покоя, нет денег, нет понимания, и, как следствие, – нет жизни, больше нет жизни!

И страхи реальные превращаются в страхи иррациональные, куда же иначе бежать, как не в хрупкую, но все же логику душевного нездоровья?

Конечно, спектакль «Записки сумасшедшего» – практически моноспектакль ведущего актера Тбилисского русского драматического театра Валерия Харютченко.

Но моноспектакль, не совсем отвечающий текстовому источнику. Когда мы читаем Гоголя «глазами», мы видим одного и того же Поприщина в состояниях изменяющего ему сознания. В спектакле же Валерий Харютченко создает целую галерею образов, каждый из которых – уже не тот Поприщин. Каждый раз он выглядит иначе, иначе говорит, другого требует, а потом хотя бы просит от мира и готов на все новые жертвы и

уступки, лишь бы был признан, принят или хотя бы не был изгнан. Каждый раз это другой, не «изменившийся», а именно другой человек.

Цельный текст Николая Гоголя смело делится на несколько отдельных текстов, но в самом лучшем смысле этого слова, как делится на нескольких отдельных «комет» обычный, казалось бы, фейерверк.

Тайна несомненного успеха этого подхода – в сложнейшем режиссерском замысле Георгия Маргвелашвили и фантастическом актерском даровании Валерия Харютченко.

Надеюсь, открываются границы, и скоро мы сможем увидеть «Записки сумасшедшего» не только в «Балтийском доме», но и, как минимум, на одной из театральных площадок Москвы. И в других городах России. И я вам очень советую этого не пропустить».

Елена Чурилова,

старший научный сотрудник, хранитель «Русского музея»:

«Гоголь в Булгакове, Булгаков из Гоголя. На XXIII международном театральном фестивале стран СНГ и Балтии «Встречи в России» Тбилисский драмати-

ческий театр представил «Записки сумасшедшего» (режиссер Георгий Маргвелашвили) – практически монолог Валерия Харютченко – Поприщина, импровизированно озвучившего гениального провидца Гоголя, предсказавшего и то, что творилось во времена Булгакова, писавшего «Театральный роман», и то, что сейчас вокруг нас, и до сих пор, когда в Англии нюхают табак, во Франции чихают, а месяца и дня как не было, так и нет».

НА ОБСУЖДЕНИИ СПЕКТАКЛЯ

Сергей Ильченко,

профессор, доктор филологических наук, кандидат искусствоведения:

«Ветеран нашего фестивального движения театр Грибоедова радует абсолютно нестандартным подходом к всем известному произведению. Но, как говорил Пушкин, бывают странные сближенья. То, что спектакль живой, что он движется, было совершенно очевидно. Интересно разгадывать те загадки, которые нам загадывали. Скажу сразу, в чем загадка. Те четыре «персонажа в поисках

Валерий Харютченко

М. Кития и В. Харютченко

автора», которые в спектакле расселись справа и слева, – совершенно нестандартный ход, чтобы вовлечь зал в спектакль. Этой проблемой мучаются все режиссеры, и что только они не придумывают, чтобы добиться желаемого эффекта! Особенно в пространстве небольшого зала. Физически и мизансценически мы вместе, но есть рампа. И Поприцин все время пытается за эту рампу выйти, а очень серьезная девушка и такой же серьезный санитар его не пускают. Благодаря спектаклю тбилисцев я понял, что гоголевский текст можно переворачивать в любую жанровую плоскость. В финале Поприцин говорит про родину, про Россию. Это стилистически созвучно «Мертвым душам» с их птицей-тройкой! А потом звучит финальная реплика про алжирского дея, у которого под носом шишка. Николай Васильевич просто так ничего не делал. И в этом сочетании разных стилей и разных идей, которые есть у Гоголя в тексте, очень трудно существовать. Как не сойти с ума, я не знаю. Валерию Харютченко это удастся, хотя, конечно, призрак психушки все время витает. И когда во второй части спектакля

начинается история про воду и избивание палками, уже понимаешь, где в реальности оказался Поприцин. И, конечно, трагическое содержание текста Гоголя в трактовке театра Грибоедова доминирует. Они поставили спектакль про несчастье одного человека, взгляд которого на мир оказался не похож на взгляд других людей. И за это он поплатился. Дело не в абсурдности текста, а в том, что в Тбилиси эту историю сыграли. Не знаю, как часто режиссер будет ставить «Записки» в репертуар, но я бы давал внеочередной выходной актеру после каждого спектакля, потому что играть его энергетически, психологически довольно тяжело. История Поприцина – это история человека, выпавшего из жизни и в итоге оказавшегося там, где его действительно считают сумасшедшим. Сначала он нормальный. Но весь строй спектакля и особенно тени, которые его преследуют слева и справа, делают свое дело. Хорошо, что грибоедовцы установили гендерное равновесие: надзиратели – женщина и мужчина. Феминисты не придерутся. Это спектакль про то, что человек хочет любви, а любви ему не дают. Он хочет

воображать себя испанским королем, а с него срывают все его причиндалы. Поприщина все время куда-то не пускают, осаживают, купируют, не дают свободу перемещения даже в этом узком пространстве. Еще один момент, который я вынес из этого спектакля. Я понял, почему его назвали трагикомедией. Потому что смеховая культура Гоголя, которая всегда в подтексте, – это смех сквозь невидимые миру слезы. У Николая Васильевича ударные концы его произведений несут в себе один стилистический пласт. К примеру, «куда ты мчишься, птица-тройка?» Но кто там сидит, в этой тройке? Чичиков! Об этом еще Шукшин написал. Поприцин же понимает: что-то не так. И этот пласт, издевка, гротеск Гоголя, может вызвать и тяжелое чувство, и смех, как мне кажется. И в театре Грибоедова поймали эту историю. Но им было важно показать трагедию отдельной личности, которая не может вырваться из ограниченного пространства. Возникают ассоциации с целым рядом произведений русской классики. Это не просто какой-то конкретный, мало кому знакомый человек Поприцин, в подтексте есть нечто большее. Скажем, образ русского интеллигента XIX века,

Валерий Харютченко

Валерий Харютченко

который не может вписаться в эту карательную психиатрию. Мне кажется, спектакль со временем будет совершенствоваться. Чем больше театр будет играть «Записки», тем больше они будут подпитываться от зала. Спасибо за необычного Гоголя. Потому что сейчас я знаю только две трактовки «Записок сумасшедшего». Первая – это телевизионный фильм с Евгением Лебедевым, вторая – спектакль Тбилисского театра имени Грибоедова с Валерием Харютченко».

Валентина Резникова,
заместитель директора по творчеству Азербайджанского государственного русского драматического театра им. С. Вургун:

«Версия грибоедовцев прозвучала очень интересно. Не как история маленького, заданного человека. Для меня случилась история чиновника, который вопреки всему и наперекор всем говорит во всю мощь своего голоса. Это далеко не психушка. Это наш современный мир, сегодняшняя жизнь. Когда человеку диктуют, как ему жить, что делать, куда направлять мысль и суют буквально в рот микрофон, а он

его отталкивает. Герой Валерия Харютченко не хочет жить по указке тех, кто являются исполнителями не своей, а чужой воли. Именно поэтому он отталкивает микрофон и говорит в него только тогда, когда сам считает нужным, когда хочет кричать на весь мир о том, что его волнует. Я подумала: грузинский театр опять закрутил философию на современных проблемах. Полной неожиданностью оказалась для меня психоструктура Поприщина. Я не увидела жалкого, сумасшедшего человека. Мне открылся герой, который все время бьется как птица в клетке. Ищет выхода, мечтает пробиться в мир, с которым находится в явном и очень жестком диссонансе. Но туда ему никак не удается попасть. Велосипед с хвостиком для меня – жар-птица надежды. Это не обычный велосипед, на котором можно просто уехать, не средство передвижения – это та самая мечта, которая помогает Поприщину выжить. В какой-то момент герой устал говорить, потому что его никто не слышит. И он зашивает себе рот, давая себе слово молчать. Потому что смысла говорить нет, никто не слышит. Но ровно

через полсекунды Поприщин выдергивает эти нити и опять говорит, потому что не может не говорить. Мир, обретающий конкретные лица, заставляет человека вибрировать на высокой эмоциональной волне. Спасибо Валерию, сжигающему себя на костре собственной профессии, которую так любит. Валерий Харютченко является ярким представителем русской психологической школы, которой верно и преданно служит на протяжении многих лет. Метод его существования на сцене – очень подробный, детальный, лишенный современного скоротечения, которое всех нас так раздражает, намекая на клиповость мышления зрителей. Спасибо актеру и режиссеру, не пожалевшим сил и времени для того, чтобы стать ближе к зрителю. Думала, как же завершится спектакль, как режиссер ответит на вопрос, что собственно делать человеку, который не знает, как ему быть. И что происходит в финале? Поприщин закрывает себе глаза маской – он не хочет смотреть на этот мир. Потому что он ему глубоко несимпатичен. Это такая правда!»

Вольфганг Амадей Моцарт

ИЗБРАННЫЕ И ВЕЛИКИЕ

Ирина ДЗУЦОВА

Время проходит, но не без них. Великие потому, что жизнь и творчество у них связаны воедино. Сила их сущности – разум и интуиция. Осененные свыше, они опережали свое время, приближаясь все более и более к будущему – нашему настоящему. Великие шли по дороге из прошлого в будущее. Дорога эта длинная, долгая и тернистая. Они принадлежат разным эпохам и разным странам, но, оказалось, всем нам. Они писали, рисовали, изобретали и исполняли, как дышали. За этим не был замечен их труд, а ведь они трудились! Они придавали сокровенный смысл своему и человеческому существованию, обладая неким тайным знанием о прекрасном. Делают ли их творения и деяния человека лучше? Ведь войны продолжают, преступники не переводятся, бездари процветают....

Но кто-то замороженный слушает музыку Моцарта, читает Марка Аврелия, Пушкина, носит в душе образы Рембрандта, да Винчи. Отчего же мы остаемся – пусть даже на мгновение, на час, на день, а чаще – на всю

жизнь под впечатлением творений великих? Это тайна. Алхимия, и у каждого из нас – своя.

Творил ли великий для себя, для других? Желал ли он вступить с этим другим в диалог? Знал ли великий, что творил на века, для всех? Пушкин, например, знал: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный. К нему не зарастет народная тропа... Нет, весь я не умру – душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит – И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит».

Творения великих были доступны не всем, их нельзя было видеть, читать и слушать в лачугах и хижинах. Так для кого создавались шедевры? Для избранных? Для просвещенного ума и просвещенной, подготовленной души?

Великие не отворачивались от мира, от человека и в тяжкие часы жизни не отрекались от своих трудов. Они бывали веселыми и грустными, но оставались преданными своим духовным идеалам. Они могли жить уединенно или у всех на виду, но не отрекались от своих идей и трудов. Они старались не сбиться с избранного ими пути.

Они умирали и возрождались в процессе творчества, созидания нового и неповторимого. В суете и сутолоке жизни они не растеряли свой талант и убеждения, а ведь это сродни подвигу. Куда бы ни забрасывала их судьба, как бы ни подминали их обстоятельства, они не забывали о своих корнях, национальных традициях.

Признание находило великих при жизни или посмертно. Судьба часто подвергала их тяжелым испытаниям, грозившим их духовным ценностям и таланту. Но они продолжали служить своему дару, оберегали свои идеалы. Их великие дела продолжают их земное бытие. Каждый из них – уникален, и на все времена. Наука, философия, искусство, литература, музыка – в этих сферах творили великие. Все эти сферы приложения таланта предполагают духовное преобразование человека.

Великие подарили нам расширенную палитру человеческих эмоций, через радость сопереживания при знакомстве с их творениями и деяниями. На протяжении веков мы черпаем из этого кладезя духовных и эстетических богатств. Великие оставили человечеству бесценные сокровища духа и мысли. Человек измеряется своей спо-

Леонардо да Винчи

способностью проникнуть в замысел, в дары великих, оценить их и восхищаться для полноты собственной жизни для того, чтобы испытать «момент истины». Великие вырывают человека из будней, из пустоты, из зла.

Великие понимали многообразие мира, жизнь чувствовали глубоко. Великие – вне времени и пространства, они не спускаются с вершин. Вокруг них вращается душа и мысль человека, они – сокровище для передачи поколениям. Восхищение и удивление по-прежнему наполняют сердца людей при знакомстве с деяниями и творениями великих, победивших быстротечное время и невзгоды. Им ставят памятники, их именами называют улицы городов, о них пишут книги, исследования, произведения. Их деяния – эталон совершенства, мастерства, красоты и гениального. Их признала сама Вечность!

Они часто нуждались в высоких покровителях (короли, цари, люди, наделенные властью). Не всегда покровительство оказывалось в пользу великих – ведь они желали быть свободными в творчестве. Родоначальник знаменитой династии Козимо Медичи-Старший (1389-1464) говорил: «Талантливые люди – божественные создания. Их нельзя ни запереть, ни принуждать к труду».

Великие зачастую оказывались объектом гонений, в силу непонимания, невежества, глупости, предательства современников.

Великие исследовали и изображали мир и человека, их духовную суть и красоту. Для этого необходима работа сердца и ума. Благодаря великим, мы лучше понимаем чудо жизни. Они «разрушали» будничность и повседневность во имя лучшего понимания бесконечности человеческого духа, во имя подлинных ценностей. Великие убеждают нас не терять веру в человека, в прекрасное и вечное. Они показывают направление: куда стремиться душе.

Родина великих – разные страны и культуры. Многие города стали колыбелью науки, культуры и искусства. Великие определили славу этих городов и стран. Здесь они получали пу-

Александр Пушкин

тевку в вечность. Великие заложили основы естественных и точных наук, совершали открытия по сей день удивляющие нас, сделавшие нашу жизнь комфортнее, приятнее.

Только знакомство с семью чудесами света дает нам представление о том, какого уровня мастерства и таланта достигли архитекторы, скульпторы, живописцы, писатели, мыслители и ученые прежних веков. Имена многих неизвестны. Как имя зажегшего первый огонь? Кто изобретатель первого колеса? Кем был тот самый первый художник, украсивший изображениями животных стены первобытной пещеры? Кто автор первых слов? Но мы и сегодня восхищаемся, вдохновляемся их творениями, пытаемся найти в них то, что поможет понять смысл жизни, постичь красоту, истину, трудиться, не отчаиваться, исполнять свое жизненное призвание.

Деяния великих проникнуты духом гуманизма, призывают человека к самосовершенствованию. Великие честно и мудро трудились, возвышаясь над личными переживаниями, скорбью и страхом. С ними мы сверяем наше понимание жизни, добра

и зла. Нам всегда хочется диалога с ними. Благодаря им мы ищем дорогу к себе и к другому человеку.

Творения и деяния великих имеют историческую, практическую, художественную и эстетическую ценность, которая со временем лишь возрастает.

Время и люди сберегли и донесли до нас достоинство великих. Так будет всегда. Они внушают нам радость и вселяют надежду.

Великие – счастливы, достигшие совершенства через сложные поиски и терзания. Они – исследователи и преобразователи. Они перевернули наши представления о мироздании, и все ими созданное является универсальным и бесценным. Энергичные духом и негибкие, они творили не только для своего народа и отечества, но для всех нас, объединяя, таким образом, человечество, в единую «ткань», семью.

Они остались среди нас, для нас. Мы вновь и вновь возвращаемся к их наследию, находим утешение и вдохновение в их гуманистической, созидательной силе.

Лагодехское ущелье

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Он появился на свет в центре Европы, а прославился, прожив основную часть жизни за две с лишним тысячи километров от родного города. Его отец стал частицей истории Польши, а сам он вошел в историю Грузии. Поселившись на Южном Кавказе, он слегка изменил имя и из Людвика превратился в Людвиг. И мы будем звать так человека, о котором известный путешественник и исследователь Африки Василий Юнкер сказал: «Быть на Кавказе и не видеть Млокосевича, все равно, что быть в Риме и не видеть Папы».

Единственного поляка, который в первой половине XIX века стал генералом, не будучи дворянином, звали Францишек Млокосевич. Он был, как говорится, «военной косточкой», о нем можно сказать словами русского офицера Дениса Давыдова, против которого ему

довелось воевать: «Я люблю кровавый бой, / Я рожден для службы царской! / Сабля, водка, конь гусарской, / С вами век мне золотой!». Впрочем, что касается службы царской... Русским царям Францишек присягал не раз и навсегда, а – периодически.

Карьеру он начал в борьбе с ними, когда в 1790-х польские военные нарушили присягу, принесенную еще Екатерине II, и присоединились к участникам войны с Россией. Потом он служит в армии Наполеона, отличается в Испании, защищая от англичан подступы к Гибралтару, получает орден Почетного легиона и становится известен в европейских военных кругах. Затем – война против России в рядах французов, несколько ранений, плен и служба... уже у русских. В Корпусе инвалидов и ветеранов Польского Королев-

ства. Он присягает Александру I, который в 1814-м разрешил вернуться домой полякам, воевавшим на стороне Наполеона.

Через три года он выходит в отставку и 13 лет мирно занимается сельским хозяйством в имении жены. Но начинается польское восстание 1830 года, и 61-летний, болеющий, Млокосевич вновь забывает о присяге и отважно сражается с русскими. А потом, как сообщают справочники, «после падения Варшавы, видя надвигающееся поражение восстания, он попросил об отставке и принял присягу на верность Николаю I». Который, вдобавок, через год дарует ему дворянство Королевства Польского с гербом в честь доблести, проявленной в рядах французов в Испании. Вот такие, как говорят в одном культовом фильме, «высокие, высокие отношения!»

Людвиг Млокосевич

Герб Млокосевичей

Солдат до мозга костей, для которого все, не связанное с войной, было неинтересно и обременительно, пан Францишек не удовлетворяется тем, что старший из его четырех сыновей – Константин стал гусаром. Он желает, чтобы и младший Людвиг, родившийся в 1831 году, тоже носил военный мундир. А мальчик страстно любит природу: «Варшава или, правильнее, города – мне не нравились. Я не мог дожидаться того счастливого дня, когда родители мои покидали город на лето и брали меня с собою в деревню, где у нас было так хорошо: замечательные сады, оранжереи, те-

плицы, а вокруг красивые леса, луга и озера». И, чтобы наблюдать, чем и как живут рядом фауна и флора, мальчик создает нечто вроде зверинца, птичника, маленькие пруды с рыбками и садик с цветами:

«Помню отлично, как я брал из разных муравейников, не смотря на боль от укусов, горстями разных муравьев и переносил их в свои кадучки, для наблюдения за их жизнью. Я им готов был сделать все возможное, чтобы им было хорошо у меня. Но мне нравились не одни только муравьи, а вообще все животные и растения... Как только оканчивались мои уроки, я находил самый приятный отдых предаваться своему природному хозяйству. Помню, что эти влечения к природе были не минутными, а длились целые годы».

Увы, отца это увлечение сына не интересует. И в 11 лет мальчика отдают в Брестский Александровский кадетский корпус. Склонный к уединению, увлеченный изучением природы Людвиг оказывается в суровом положении в стенах бывшего монастыря бернардинцев, в обстановке строгой муштры: «От своего милого хозяйства я попал сразу в суровую тех времен военную обстановку, к которой я чувствовал менее всего призвания. Понятно, что мое прошлое еще красивее рисовалось мне в воспоминаниях и усиливало тоску. Я сознавал, что я испытал страшное насилие, но из опасения быть осужденным, высказать кому-нибудь свои впечатления я не решался: стремления ребенка к природе казались тогда ничтожностью!»

Он не чувствует никакого призвания к военной науке и, хоть как-то протестуя против нахождения в закрытом заведении с жестким режимом, начинает плохо учиться. «И чем более меня упрекали в лености и читали мне нравоучения, тем более я ненавижу учение». При этом никто не задумывается, что происходит с кадетом, который при поступлении в корпус «выдержал экзамен блистательно». Так продолжается, пока в 1845-м не умирает отец-генерал. И юноша «как ми-

лость» просит мать забрать его домой, а та не может отказать ему: «Я очутился снова дома, но уже совершенно при других обстоятельствах; мне дали учителей».

Как отличаются домашние занятия с нанятыми матушкой учителями от пережитой атмосферы казенщины и муштры! Никто не мешает заниматься тем, к чему лежит душа – ботаникой, зоологией, минералогией... И французским языком, расширяющим возможности знакомиться с книгами по естественным наукам, мемуарами натуралистов и всевозможными энциклопедиями.

Но в душе ранимой, рефлексивной природы на всю жизнь остается травма. Впрочем, в истории с кадетским корпусом находится и определенный плюс. Память о пережитом в Бресте страхе лишиться любимых увлечений по-своему подпитывала исследовательскую неутомимость Людвиг. Ведь он, как и Францишек, служил лишь одной идее, шел раз и навсегда избранным путем. Толь-

Францишек Млокосевич

Брестский кадетский корпус

ко отец служил уничтожению Жизни, а сын – ее сохранению и процветанию.

А к тому, что Людвиг черпает из книг, прибавляются рассказы людей, приехавших из экзотических для варшавянина и будоражащих воображение мест: «В ту пору в имении моей сестры, стоял мусульманский полк из Кавказа; от знакомых из этого полка я слышал много о Кавказе, о его богатой природе, о местных знаменитых охотах, и под влиянием этих рассказов я возмечтал увидеть этот край. Став совершеннолетним, я осуществил это желание, приехал на Кавказ и поступил в военную службу, но не более как на один год. Между тем, я так увлекся Кавказом, что... этот мой год все еще длится».

Закавказским конно-мусульманским полком, о котором вспоминает Млокосевич, командовал генерал-тифлисец, князь Давид Бебутов. Ему и его подчиненным было, что рассказать юному натуралисту о природе своих родных мест. Как сын дворянина Людвиг обязан отслужить в армии и для выполнения этого долга он в 22 года выбирает Кавказ. Несколько месяцев уходит на дорогу, и вот он – штабной офицер-подпоручик 5-го Тифлисского гренадерского полка, расквартированного в Лагодехи, на кордонной

линии с лезгинами. Здесь – граница, отделяющая Грузию от Дагестана, подчиняющегося Шамилю.

Место это живописно, но жизнь в нем – скучна и однообразна. В густом лесу – с десятком разрозненных зданий: казарма, склады, лазарет, жилье офицеров, генеральский дом, православная церковь, католическая часовня... Типичное место резервного гарнизона, который должен был устремиться туда, где неожиданно появляются горцы. Здешняя природа зачаровывает Людвига, и он часами бродит по окрестностям, презрев опасность появления лазутчиков Шамиля.

Вообще же, крупные схватки на этой линии нечасты, полк поднимается по тревоге лишь, когда горцы пытаются ночью пересечь кордон. Но время от времени отправляются экспедиции на дагестанскую территорию для устрашения противника. Млокосевич не может не участвовать в них, хотя категорически выступает против человекоубийства: «Сначала я участвовал неоднократно в экспедициях против горцев; новые местности, до которых так трудно было добраться, крайне меня интересовали; на горцев я смотрел не столько как на врага, а, скорее, как на любо-

пытный, тоже принадлежащий к зоологии, экземпляр...».

Такое отношение к войне не скроешь в замкнутом военном кругу. По мере того, как окружающие понимают, что кровопролитие ему чуждо, трещина в отношениях с частью офицеров становится все шире. Сослуживцы просто не в состоянии понять, почему сын боевого генерала, чтобы не стрелять в людей, соглашается пасти полковых лошадей, заготавливать дрова, добывать дичь для кух-

Давид Бебутов

Казармы в Лагодехи

ни, заниматься другими «тыловыми работами». Впрочем, неприязнь к поручику рождают и другие факторы.

В полку немало кубанских казаков, которые помнят, как в Запорожской Сечи их не такие уж далекие предки насмерть бились с истинными врагами – поляками. И Млокосевич воспринимается ими как «лях». Невзлюбили его и солдаты из разжалованных за различные прегрешения и высланных на Кавказ офицеров. К тому же, все помнят, как некоторые поляки, сосланные за участие в антирусском восстании, перебежали к горцам. Так что, на Млокосевича, как и на каждом его соплеменнике, лежит негласное клеймо потенциального дезертира.

Вот и получается, что не такой, как все, тихий, мечтательный поляк-пацифист не становится «своим среди своих». И в замкнутом мирке небольшого гарнизона быстро оказывается в центре недоброжелательства, даже интриг. Но, не скрывая своих взглядов, он идет все дальше, затронув святое для офицерства всех стран – охоту:

«Вначале я сделался здесь также страстным охотником, но всякий раз, когда от моего выстрела падал раненый олень или красивый фазан и мне приходилось добывать страдающее по моей вине животное, я испытывал неприятное чувство; также постоянные во всякое время года охоты и убийство зверя целыми массами, которые часто

не поедались и портились, все это возбудило во мне вопрос: есть ли необходимость в этих убийствах? Охота – достоинство или недостаток?

И я пришел к заключению, что охота, не думающая о сбережении зверя, есть страсть, и, как всякая страсть, она глушит в нас силу здравого рассудка; но страсть к курению, пьянству, к опиуму приносит вред лично нам, тогда, как усиленное и бесцельное уничтожение зверя и полезных птиц производит громадный ущерб в экономии природы и даст, хотя незаметным образом для большинства, весьма печальные результаты впоследствии. Кроме того, я пришел к заключению, что вообще жизнь красивее смерти, и я себя убедил оставить навсегда охоту и с тех пор сделался горячим защитником жизни».

В общем, назревает конфликт с сослуживцами. И военная служба Людвигу вполне могла бы иметь какой-нибудь печальный исход, если бы не спасительное поручение командования: разбить полковой сад. Лучшего применения его природным наклонностям не найти! Он никогда не забывал отраду своего детства – прудики и маленькие клумбы, цветники и огородики. А теперь все это предстояло создать в больших размерах, на 50-ти гектарах, выделенных в южной части Лагодехи. Причем, «сверху», не дали регламентирующих указаний, только лишь общие пожелания. И подпоручик Млокосе-

вич принимается за дело.

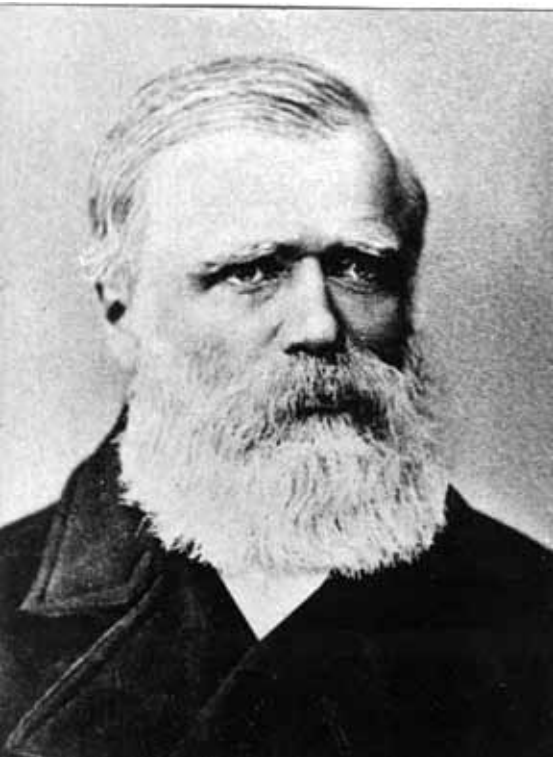
На пустыре за казармами американские секвойи поселяются рядом с японскими живыми ископаемыми гинкго, несколько видов азиатских магнолий – с декоративными тропическими лианами, черноморские кипарисы с березовой рощей, неведомые в этих краях хвойные таксодиумы – с привычными для Южного Кавказа дубами, липами, грецкими орехами, грабами, каштанами. Пруды, созданные для водных растений, украшены искусственными водопадами... Вдобавок ко всему Людвиг раздает местным жителям саженцы, в первую очередь – фруктовые и декоративные.

И весь этот уникальный дендрарий испещрен причудливыми освещенными дорожками и тенистыми аллеями, на которых – увитые плющом беседки и уютные садовые скамейки. Так начинается история культурных лесонасаждений в Кахети. Но это – с точки зрения специалистов-дендрологов. А для жителей Лагодехи и расквартированных там военных творение Млокосевича становится замечательным городским парком. Там играет полковой оркестр, под который по аллеям прогуливаются господа-офицеры с дамами и местная почтенная публика в модных нарядах.

Высокое командование признает этот парк лучшим среди полковых во всей Кавказской

Знак Тифлисского гренадерского полка

П. Млокосевич в последние годы жизни

предался этому занятию и имел счастливые случаи представить нашим ученым на разработку новые зоологические экземпляры, получившие довольно громкую известность».

На жизнь тратится не только материнское наследство, но и вознаграждение за поставки образцов лагодехской флоры и фауны в Европу. В частные и музейные коллекции. Это и есть «собираание различных предметов естествознания и вообще для ученых мира». Ежегодно он уходит в дальние экспедиции по Восточной и Западной Грузии, Аджарии, Азербайджану, Армении и по зарубежным Турции и Персии.

Их итоги – обширные гербарии, коллекции насекомых, чучела, саженцы и семена. А главное – масса научных открытий, самые сенсационные среди которых – кавказские тетерева с саламандрой и эльдарская сосна. Млокосевичу покоряются и несколько высочайших вершин Южного Кавказа и Малой Армении. Ясно, что при такой жизни не остается времени для того, чтобы прокормить семью работой на земле. Так что и потом, когда Людвиг почти 20 лет работает лесничим, семью кормят результаты экспедиций. Они посылаются в крупные города,

и приносят ему хоть какие-то деньги и большую известность.

С этим удивительным человеком, в быту отказавшимся от многих благ цивилизации, переписываются и получают от него посылки виднейшие ученые того времени. Географ Петр Семенов-Тянь-Шанский, его французский коллега Элизе Реклю, зоолог Владислав Тачановский, энтомолог Антон Вага и ботаник Болеслав Гриневецкий из Польши, российские дендролог и лесовод Яков Медведев, энтомологи Гуго Христоф, Эмилия Мирам и Максимилиан Шодуар... Млокосевича, не имеющего никакого специального образования, называют своим учителем председатель Всероссийского союза лесоводов, управляющий Боржомским имением Павел Виноградов-Никитин и сын Кавказского наместника, внук Николая I, ботаник, великий князь Николай Михайлович.

На окраине поселка, у горной реки перед входом в ущелье, ведущем к Дагестану, появляется одноэтажный деревянный дом Млокосевичей. Отец многочисленного семейства – у него одиннадцать (!) детей – помимо многочисленных служебных обязанностей, успевает и лечить раненых зверей, и одомашнивать диких птиц, и вести метеорологические наблюдения, и пытаться победить малярию, и изучать причины наводнений... Да еще выписывает и штудиру-

ет научные журналы и книги, Он продолжает начатые еще в Тифлисском полку опыты по разведению новых для этих мест маслин, чая, цитрусов, пробкового и железного деревьев, бамбука, джута... И рядом с домом разбивает ботанический сад, в котором его детям прививается любовь к природе.

О том, как жила эта семья, где царили взаимоуважение и равноправие, трудолюбие и бескорыстие, вспоминал гостивший в ней научный сотрудник Ботанического сада Императорского Юрьевского университета Болеслав Гриневецкий: «Среди собравшейся за столом семьи бегали собачки, по плечам и столу прыгали прирученные птицы, а одна из прирученных галок, передразнивая младшего сынка, орала время от времени «Папаша!». Если кто из собеседников хотел пить, то брал со стола кувшин или стакан и шел к подножью большой липы, откуда пробивался источник чистой воды. Если хотел кто-то умыться или помыть руки, то направлялся к берегу потока, куда все мужчины ходили каждое утро. Над другим ручьем, огибающим домовладение, было специальное место, предназначенное для женщин. Со смехом, хозяин мне рассказывал, что как-то его барышни прибежали с криком и полураздетые: на то место, где они обычно купались, явился медведь – попить воды».

Дом Млокосевича в Лагодехи

Пион Млокосевича

У Млокосевича постоянно – гости из научного мира. Всем интересно увидеть, чему посвятил свою жизнь дворянин, ставший крестьянином и двигающий науку. Ведь этот человек, добровольно заточивший себя в глуши, удостоен и Большой Золотой медали Парижского общества акклиматизации и Серебряной медали Императорского Русского Географического Общества, и звания члена-корреспондента Зоологического музея при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Ведь он открыл почти шесть десятков (!) видов растительного и животного миров, и многие из них носят его имя. А еще этот «крестьянин» опубликовал около 50 научных работ о природе Кавказа.

Но Людвиг Францевич, стремится не только как можно шире знакомить ученых с этой природой. Он буквально кричит на весь научный мир о том, что может погибнуть главное открытие его жизни – уникальные живность и растительность Лагодехского ущелья. О том, что необходимо спасти единственное на Кавказе место, где растения еще доледникового периода сосуществуют и с эндемиками (растущими только на этой территории), и с типичными для всего кахетинского региона. Из-за неразумной, нерегулируемой деятельности человека там исчезают звери и птицы, вырубаются и выгорают леса, меняется климат.

Тетерев Млокосевича

Он призывает видных ученых помочь организовать на границе Грузии и Дагестана «строго заповедные участки». Вот, например, что он пишет главному в стране авторитету по зоологии, неременному секретарю Российской академии наук, действительному статскому советнику, члену многих зарубежных обществ естествоиспытателей Александру Штрауху: «Я здешний старожил и вижу, что делается, помню, что было, знаю, что есть и представляю, что будет. Я вижу грустную картину скорого будущего, как здешние оазисы редчайшей жизни превратятся в скучнейшие пустыни и целые страны интереснейшей зоологии погибнут для потомства на-

всегда».

Между тем, как и в армейской молодости, Людвиг Францевич, не похожий на живущих рядом людей, вызывает у них недоумение и злость. Люди эти – бывшие офицеры и солдаты, которые, выйдя в отставку, осели в Лагодехи. Им непонятно, почему этот странный человек, невенчанный, сам обучающий своих детей дома, а не в школе, противопоставляет общению с людьми какие-то приборы, домашний зверинец, составление гербариев, непонятные записи в толстых тетрадах... Не такой как все? – Так получи! И неприятие со стороны озлобленных обывателей выливается в трагедии. Младшую дочь, 17-летнюю

Семья Л. Млокосевича

Уголок памяти Л. Млокосевича в Лагодехи

Люсю изнасиловали и убили в лесу недалеко от дома. Позже убили и жену Анну...

Вообще, трагическая судьба у еще четверых детей этой семьи. Виктор, как и отец, работавший лесничим, в 1922-м сорвался в пропасть, и говорят, что к тому «приложили руку» браконьеры. Биологи Леонид и Владимир расстреляны в 1937-м, этнограф и художница Анна скончалась от рака в Ленинградскую блокаду. Успев, правда, в начале XX века помочь отцу в борьбе за спасение уникального ущелья вместе с научным сотрудником Тифлисского ботанического сада Дмитрием Сосновским и профессором Юрьевского университета, географом и флористом Николаем Кузнецовым. А вот дочь Юлия стала первой в мире женщиной, покорившей Большой Арарат.

Всего три года не дожил Млокосевич до апреля 1912-го, когда Лагодехское и соседнее с ним Анцальское (ныне – Шромское) ущелья объединились в государственный заповедник площадью 3.500 гектаров. А в 1915-м на заседании Русского энтомологического общества в Петрограде Семенов-Тянь-Шанский подвел черту под вопросом о новом заповеднике в Грузии: «Знакомством с Лагодехским ущельем и зоологи, и ботаники обязаны главным образом семье покойного Л.Ф. Млокосевича».

И еще нельзя не вспомнить, что с горцами, по землям которых Млокосевич ходил в экспедиции, никаких конфликтов у него не было. Он приносил им

подарки, разрешал им зимой пасти овец вдоль реки Алазани, помогал лечить заболевших, фотографировал их свадьбы. Словом, был своим человеком. Аварцы звали его «Старшилесничичи», думая, что это – имя, и образовав его от должности старшего лесничего. Млокосевич умер от болезни во время экспедиции 1909 года в своей палатке, недалеко от аула Чорода. Жители которого старались ему помочь, а потом проводили в последний путь в Лагодехи. На месте смерти «Старшилесничичи» они поставили каменную плиту.

И, наконец, о том, что необходимо знать и запомнить. Слово – биографу Млокосевича, уроженцу Лагодехи, автору сайта об этом городе Петру Згонникову: «В последнее время часто приходится слышать, что основателем Лагодехского заповедника был Людвиг Млокосевич. Это не так, это заблуждение. Частное лицо не может учредить государственное образование, учредителем чего бы то ни было государственного (банка, театра, университета, заповедника) может быть только государство. Можно понять простых людей, которые десятки раз слыша имя Млокосевича в контексте создания Лагодехского заповедника, ошибочно полагают, будто Млокосевич его и основал. Но, к сожалению, встречаются серьезные издания, как, к примеру книга «Лучше знать друг друга», автор которой М. Айдинов повторяет эту

нелепость, не задаваясь вопросом, каким это образом частное лицо, человек, умерший в 1909 году, мог спустя 4 года после смерти объявить 3.500 гектаров государственных земель заповедными».

Реальная заслуга Людвиг Францевича в том, что он первым сделал немало замечательных дел: стал изучать Лагодехское ущелье, открыл его ценность для науки, заинтересовал им ученых и поднял вопрос

Могилы Л. Млокосевича в Лагодехи

о создании заповедника. Вот за это наука и благодарна человеку, у которого была не такая уж счастливая судьба, но который сказал: «Когда собираю растения, я не могу себя чувствовать несчастным».

Мемориальная доска в Национальном парке в Лагодехи

В.П. Мжаванадзе с молодежью

СТРАТЕГИЯ ЖИЗНИ ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА МЖАВАНАДЗЕ

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Каждый год в мае и в июне память неизменно возвращается к событиям Великой Отечественной войны. Начинаем с маршей в честь Дня Победы и завершаем трагической датой 22 июня, началом войны, отматывая в обратном порядке все четыре с половиной года кровопролитной схватки с фашистской чумой. Сегодня о подвигах военных лет чаще всего рассказывают дети ветеранов. Вот и беседа с дочкой В.П. Мжаванадзе Ниной первоначально предполагала рассказ о фронтовом пути ее отца, закончившего войну в звании генерал-лейтенанта. Однако сразу стало ясно, что в жизни Василия Павловича доминирует тема мира, а не войны.

В 2003 году Нина Мжаванадзе издала книгу об отце, в кото-

рую вошли заметки, документы, переписка, различные публикации, фото из семейного архива и множество выдержек из писем, которые прислали десятки людей в ответ на призыв газеты «Асавал Дасавали» поделиться воспоминаниями о видном политическом деятеле, руководившем республикой с 1953 по 1972 год. Книга вышла в литературной обработке журналиста Марины Пхакадзе. В настоящее время Нина Васильевна готовит к печати новую книгу, а также занимается созданием экспозиции музея в своем офисе на первом нежилом этаже трехэтажного дома на улице Барнова. В прошлом дом был заселен семьями советской элиты; Мжаванадзе, будучи первым секретарем ЦК Компартии Грузинской ССР, занимал в нем

просторные апартаменты. После ухода на пенсию он сдал свою квартиру государству, в распоряжении семьи осталась по нынешним меркам скромная жилплощадь. На стенах офиса, где и состоялась наша встреча, развешаны стенды с фотографиями разных периодов жизни Василия Павловича, на книжных полках – альбомы, книги, папки с документами лежат на массивном письменном столе, в углу – ставшим уже раритетным ламповый радиоприемник. Для открытия музея требуются и ремонт, и специальные витрины, а найти средства на это пока не представляется возможным, что лишний раз свидетельствует о том, что обвинения в причастности к коррупции партийного лидера не имели под собой реальной почвы.

– Как оценила родина заслуги Мжаванадзе?

– Вы о наградах? Отец был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова первой и второй степени, орденом Суворова первой степени, после к боевым наградам добавились три ордена Ленина и Золотая Звезда Героя социалистического труда. К почестям он относился сдержанно. У мамы было две медали – «За оборону Ленинграда» и «За

Победу», она ими гордилась. Это на одной чаше весов, а на другой – сплетни и обвинения. Нас обходили стороной, не здоровались. Какие только слухи не распространяли о нашей семье! Будто после поспешного отъезда в Москву, в нашей квартире находили забытые куски золота! Не хочется вспоминать об этом, но за родителей обидно. Они были представителями совсем иной формации. После переезда в Москву папе предоставили четырехкомнатную квартиру на Бронной, дачу в Жуковке рядом с дачей Молотова, то есть обеспечили ему высокий жизненный уровень, подобающий рангу кандидата в члены Политбюро. А он сам ни на что не претендовал. После смерти мамы, которая была значительно моложе, а ушла из жизни раньше отца на шесть лет в 1982 году, папа короткое время жил в Москве один: брат находился в командировке за границей, мне пришлось уехать в Тбилиси. И вот я возвращаюсь через несколько месяцев, пытаюсь открыть своим ключом дверь, а соседка мне говорит, что Василий Павлович перебрался этажом выше. Оказалось, что он поменялся квартирами с генералом, который жил в 2-комнатной квартире с большой семьей. Отец сказал, что ему вполне хватит этих двух комнат. В ответ на предложенную денежную компенсацию, ответил: «Ты за кого меня принимаешь?!»

– Как Василий Павлович отнесся к своей фактической отставке?

– Внешне спокойно. Его наградили и сообщили, что освобождают с поста первого секретаря. Был предложен пост председателя ДОСААФ СССР. Но отец отказался, сославшись, что хочет на заслуженный отдых. На самом деле он был полон энергии. Он решил уехать после того, как в Грузии начались показательные судебные процессы под лозунгом борьбы с коррупцией, и вокруг нас образовался вакуум.

– Между тем «крамола» состояла в том, что Мжаванадзе не препятствовал развитию малого и среднего бизнеса и

на два десятилетия опередил свое время. Получившие немалые сроки цеховики стали бы ударниками перестройки.

– Да, он руководствовался не лозунгами, а здравым смыслом. Его основной целью было сделать жизнь людей лучше. Рассказывают, что на встрече с писателями после назначения Василия Павловича на пост первого секретаря, кто-то протянул ему список с фамилиями неблагонадежных лиц. Мжаванадзе, сдерживая чувство брезгливости, отложил навет в сторону и сказал, что вернулся в Грузию не арестовывать и отправлять в ссылку, а чтобы помочь народу.

– Нина, на вас отразилась отставка отца?

– Я осталась жить в Тбилиси. За мной, семнадцатилетней девочкой, ходили по пятам «незаметные личности», контролируя каждый шаг. Брат Саша приехал в Грузию в отпуск из Москвы, чтобы поохотиться в горах. Его тут же задержали по обвинению в браконьерстве и завели на него уголовное дело. Отец не выдержал и обратился лично к Брежневу с просьбой разобраться и оставить его детей в покое, после чего преследования прекратились. Однако после окончания мединститута я не могла пять лет устроиться на работу, мне всюду отказывали. Несколько лет проработала в институте им. Жордания, замещающая сотрудников, уходивших в декрет или в длительный отпуск. Потом поступила в кожно-ве-

В.П. Мжаванадзе в 30-е годы

нерологический диспансер, где проработала много лет.

– Чем сейчас занимаетесь?

– Пятнадцатый год работаю в медицинском департаменте Грузинской патриархии, создала Общество врачей имени Святой Нино, которое объединяет врачей-добровольцев. До пандемии члены общества четырежды в год проводили в различных епархиях Грузии осмотр и диспансеризацию священников и служителей приходов. У нас в стране действуют сорок четыре епархии, так что работы

Нина Мжаванадзе (в центре) и врачи Общества Св. Нино в Боржоми

Павел Мжаванадзе

– много. В районы выезжаем в выходные дни на арендованной на свои деньги маршрутке, в бригаде кардиологи, невропатологи, окулисты, отоларингологи и другие специалисты. На местах снимаем ЭКГ, делаем эхоскопию, проверяем зрение и проводим прочие обследования.

– Виктория Федоровна тоже была медиком, она не жалела, что не работает?

– Во время блокады мама такого насмотрелась, что при первой возможности сняла белый халат, и решила, что целиком посвятит себя семье. Нас, детей, было четверо. В 1943 году после прорыва блокады родилась Тамара, в 1945 – Виктория, ее называли в честь Победы, к несчастью, она скончалась в 2007 году. В 1948 году – Александр, которого очень любят друзья, однокурсники, сослуживцы. Саша неизменно становится душой любого общества и компании. Наконец, в конце 50-х появилась я. Тамара и Саша с семьями живут в Москве, а в Тбилиси осталась только я с мужем Арчилом Симонишвили, и наш сын со своей семьей.

– Ваши родители познако-

мились на фронте?

– Нет, они встретились в Ленинграде до войны. Отец окончил военно-политическую академию. А мама училась в медицинском институте. Студенты медики не только сдавали нормативы ГТО, но и обучались верховой езде. Как-то на ипподроме бравый офицер с модными «чаплинскими» усами заметил, что симпатичная девушка не может справиться с конем и помог ей, галантно придерживая стремя. Так состоялось знакомство моих родителей. Маме было 19 лет, отцу под сорок. Чтобы сгладить разницу в возрасте, он сказал, что ему 30 лет. Опасения были напрасными – скоро выяснилось, что их многое роднит, оба росли сиротами и хлебнули горя. Моя мама в детстве была настоящей Золушкой!

– Какую же школу жизни они прошли?

– Начнем с того, что моя бабушка Вардо Швангирадзе скончалась на второй день после появления папы на свет. Такая же судьба была и у маминной мамы – она тоже умерла после родов! Осиротевшего Василия растили бабушка и дед, до трех лет он оставался у родителей матери в селении Гвиштиби, недалеко от Цхалтубо. А потом мой дед, Павел Мжаванадзе, который работал слесарем в Кутаиси, забрал сына, отвез его в Одессу и отдал на воспитание в семью извозчика Ефима Зинкова, где были свои дети. Сначала навещал ребенка, а потом пропал. Так Василий стал сперва своим парнем на Арнаутовской, а потом – одесским гимназистом. Ответы на волновавшие его вопросы он узнал только в 14 лет, когда за ним в Одессу приехал друг отца и рассказал, что Павел Мжаванадзе был революционером, участвовал в политическом убийстве крупного чиновника и скрывался от полиции, потому и вынужден был отправить сына подальше от опасности. Мальчик узнал также, что недавно его отец погиб. Постоянно рисковавший жизнью Павел взял слово с товарища, что в случае его смерти тот вернет Василия в Грузию. Друг выполнил обещание, привез

Василия в Гвиштиби. Естественно, подростку пришлось заново учиться родному языку. Его дядя, брат матери – Поликарп был учителем в местной начальной школе, он посадил гимназиста вместе с детворой и обучил чтению и письму по-грузински. Когда Василий освоился, его направили к родственнику в Хони, владевшему мастерской по выделке кожи. На этом кустарном производстве Василий проработал несколько лет. После советизации Грузии он вступил в ряды Красной армии. В 1923 году стал курсантом Грузинской военной объединенной школы и с отличием закончил ее, особо преуспев в математике и в русской словесности. Так началась его военная карьера.

Моя мама, Виктория Терешкевич, родилась в Полтаве, – продолжает рассказ Нина. – Дед Федор работал на железной дороге, через некоторое время он женился повторно. Мачеха обращалась с Викой, как это описано в сказках: своим дочкам – вся любовь, падчерице – колотушки. В детстве моей маме приходилось все делать по дому, нанять сводную

Василий с младшим братом по отцу

Перекур однополчан

сестру, стирать, полы мыть. Но, несмотря на это, она хорошо училась, окончив школу в Полтаве, с первой попытки поступила в Ленинградский медицинский институт. Город на Неве сыграл в судьбе моих родителей особую роль, но они и представить не могли, через какие испытания им предстоит пройти. Виктория Терешкевич, умная, живая девушка с красивым голосом, сразу покорила сердце отца, имевшего за плечами неудачный брак, успевшего повоевать на финской войне в должности начальника политотдела армии, уже награжденного своим первым орденом Красного Знамени. В первую очередь моя мама увидела в нем не завидного жениха, а верного защитника. Впоследствии она часто говорила, что в блокаду выжила только благодаря отцу, который умудрялся при любой возможности передать ей продукты из своего пайка.

В 1940 году Мжаванадзе был назначен начальником полуправления Прибалтийского особого военного округа. Виктория окончила третий курс, радужные планы нарушила война. Мама была направлена в распоряжение эвакуационного госпиталя, и провела в Ленинграде все 900 дней блокады. Через пять месяцев после начала войны отец отыскал маму, и они расписались, по закону военного времени свидетельство о браке им выдали за подписью командующего Ленинградским фронтом.

– Вспомним кратко боевой путь Василия Павловича.

– Начало войны он встретил в Эстонии, и был назначен комиссаром сухопутной группы 8-ой армии, получившей приказ выдвигаться на Ленинградском направлении. После кровопролитных боев группа заняла важный плацдарм, так называемый Ораниенбаумский «пятячок». О подвиге защитников «пятячка» написано во всех книгах, посвященных обороне Ленинграда. Стояли насмерть, прикрывая сухопутный доступ к Кронштадту. Невозможно представить, что эта узкая полоска земли по кромке Финского залива продержалась до прорыва блокады! В ноябре на плацдарме была сформирована Приморская оперативная группа войск. Командующим ее был назначен генерал-майор А. Астанин, а В. Мжаванадзе – начальником политотдела, членом Военного совета. Из дневников отца известно, что в ноябре 1943 года Приморская опергруппа вошла в состав Второй ударной армии под командованием генерал-лейтенанта И. Федюнинского и участвовала в ожесточенных боях, в результате которых была прорвана блокада, и фашисты были отброшены от Ленинграда на 65-100 километров. В своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Жуков назовет в числе отличившихся защитников Ленинграда и имя моего отца. Отец сражался на Пулковских высотах, участвовал

в боях на Карельском перешейке. Затем он был командирован в соединения 1-ого Украинского фронта, в составе которого дошел до Берлина. Войну закончил в Праге 9 мая 1945.

– Родители рассказывали о войне?

– Крайне редко. Из скурых воспоминаний мамы я знала, что она видела идущий ко дну потопленный корабль, на котором отправляли в эвакуацию ленинградских детей: на волнах Финского залива долго качались беленькие панамки. Мама говорила, что невозможно словами передать то, что происходило в скованном морозом, обескровленном голодом и бомбежкой городе. Не было сил после дежурства идти домой, поэтому практически не покидали госпиталь, который находился в корпусах знаменитого НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии им. Д.О. Отта на Васильевском острове. Особо тяжелыми были 1941 и 1942 годы, когда персоналу приходилось выполнять не только свою обычную медицинскую работу, но и стирать белье, доставляя воду из Невы, а главное, нередко по нескольку раз в сутки, переносить из верхних этажей больных и новорожденных в бомбоубежище. В исторический

С женой Викторией

Супруги Мжаванадзе с дочерьми Тамарой и Викторией

корпус института попало семь крупных артиллерийских снарядов, вызвавших серьезные разрушения. После дежурства старались подбодрить раненых, мама пела в палатах выздоравливавших бойцов свои любимые украинские песни.

Мама всегда была верующей, однако не могла открыто ходить в церковь. В Тбилиси ей приходилось просить свою близкую подругу Зинаиду Кациадзе поставить за нее свечи. Зинаида Ивановна работала в бальнеологическом институте, именно там мама тайком встретилась с приехавшим в Тбилиси Патриархом Московским и Всея Руси Алексием Первым, который в период блокады был Ленинградским митрополитом и под бомбежками совершал литургии и молебны, ободрял и утешал верующих. Мама видела Крестный ход в 1943 году в день святой Нины, когда в лютой мороз город обнесли чудотворной Казанской иконой. Заступничество Богородицы помогло: с 12 по 30 января в результате тяжелых боев было прорвано кольцо блокады.

– Василий Павлович не мог не знать о встрече с Патриархом.

– Безусловно, знал, но не возражал. С его молчаливого согласия на Пасху у нас дома красили яйца и пекли куличи. Более того, в годы его руководства была открыта Духовная семинария во Мцхета.

– Символично, что при Мжаванадзе в 1960 году была организована экспедиция гру-

С Ю. Гагариным

зинских деятелей культуры в Иерусалимский монастырь Святого Креста.

– Эта экспедиция и открытие фрески с изображением Шота Руставели в Крестовом монастыре имели огромное значение для культуры и науки Грузии. Первое издание книги поэта-академика Ираклия Абашидзе «Палестина, Палестина... (По следам Руставели)» начинались со слов благодарности В. Мжаванадзе, который добился разрешения поездки в закрытый в те годы для советских граждан Израиль. В последующих изданиях книги строки благодарности отцу по цензурным соображениям были изъяты.

– Василий Павлович общался со многими выдающимися людьми эпохи, с космонавтами, президентами, монархами. Вам самой кого удалось увидеть лично?

– Фиделя Кастро! Папа взял меня с собой в Крцанисскую резиденцию. Пока мы ехали в машине, у меня на коленях сидел подарок для гостя – великолепный щенок кавказской овчарки из питомника, и мне очень не хотелось отдавать его. Но Фидель пришел от щенка в такой восторг, так искренне радовался, что я смирилась с тем, что мне придется расстаться с чудесной собакой.

Л.И. Брежнев награждает В.П. Мжаванадзе

– Какие документы хранятся в вашем архиве?

– Все документы отца. Наградные листы и выписки из его личного дела. Его заметки и переписка. Вот, например, квитанция, что Мжаванадзе перечислил в 1987 году свою пенсию пострадавшим от стихийного бедствия в Сванети. Имеют большую ценность поздравления в связи с присвоением отцу звания «Герой Советского Союза», которые прислали маршалы Советского Союза Баграмян, Рокоссовский, Чуйков, Ротмистров. Однако мне особенно дороги письма, которые присылали Василию Павловичу офицеры и солдаты, сражавшиеся под его началом. Обращаются со словами благодарности, пишут, что помнят, как неоднократно Мжаванадзе рисковал головой, но добивался изменения тактических задач, сберегая тем самым жизни солдат, что он всегда держал свои обещания, был справедлив. Кто-то вспоминает, как Василий Павлович заботился о сиротевшем подростке Коле. Такая оценка качеств командира дорогого стоит. Есть в архиве письмо от маршала Жукова, к тому моменту уже пенсионера. В учтивой форме четырежды Герой Советского Союза просит своего фронтового соратника прислать из Грузии хорошего зеленого чая. Трогательная просьба! Чай прописали доктору, а в Москве некогда всемогущий маршал По-

беды качественный чай достать не мог – такие вот характерные штрихи развитого социализма.

– Кто составлял ближний круг Мжаванадзе?

– Из своего окружения отец выделял Шота Чануквадзе и Рина Метревели, последнего он хотел бы видеть своим преемником. В целом он ровно относился ко всем, никто не помнит его в гневе или в состоянии нервозности. Выдержанный, неторопливый, мягкий в обращении – таким запомнился мне папа. Дома никогда не подчеркивалась его должность, его особое

С гостями на природе

положение. Мама была более строгой и требовательной. Утром вся семья завтракала. Мы бежали в школу, отец уезжал на работу. Вечером он находил время нас выслушать, давал советы. Нас, детей, никто не выделял. Конечно, семья пользовалась услугами номенклатуры, были казенные дачи, мы отдыхали в Бакуриани и на море, но понятие «мажор» нам было неизвестно. Единственное, что отличало наш дом от других корпусов – это дежуривший под окнами милиционер. В остальном ходили куда хотели, с кем хотели, не было ни охраны, ни каких-либо ограничений. В большой квартире всегда было много народу. Василий Павлович позаботился о том, чтобы мама не чувствовала себя одинокой в непривычной обстановке, и поселил этажом ниже дочку своего дяди Поликарпа, который когда-то в юности обучал его грузинскому. Кира Поликарповна Швангирадзе стала для мамы кем-то вроде наперсницы, обучала грузинскому укладу, традициям и культуре. После школы, а потом и лекций в ТГУ к нам приходили друзья Саши, мои подружки. У мамы, как у блокадницы, был пунктик всех обязательно накормить. Она постоянно делала запасы муки и круп.

– Василий Павлович вникал в мелочи быта?

– Дома на это у него време-

В.П. Мжаванадзе в заповеднике

ни не было. Но вообще он все замечал. Старые тбилисцы со смехом вспоминают историю с лампионами на Черепашке. Вокруг озера благоустроили территорию, расставили скамейки, осветили круговую дорожку. Отец поднялся на прогулку и обнаружил, что нет ни одного целого лампиона. Оказалось, что лампочки постоянно разбивали влюбленные парочки. Мжаванадзе распорядился не менять лампочки, а придумать, как их уберечь, и кто-то додумался соорудить на лампионах защитные сетки.

– Как он отдыхал?

– У нас была традиция хотя бы раз в месяц всей семьей посещать Тбилисский бальнеологический курорт. Еще папа любил охоту и футбол. Однажды он пришел домой и понял, что не поспекает пойти на какой-то интересный матч. Позвонил Отару Лолашвили и попросил его организовать машину на стадион. Отар Ильич жил в соседнем корпусе, он тут пришел к нам и сообщил, что, к сожалению, ни одной служебной машины нет – все уже уехали на футбол. У Лолашвили, первого секретаря Тбилисского горкома, как и у нас, собственного автомобиля не было. Но не сдаваться же! Они вышли на улицу, надеясь поймать такси, но город в день большого футбола опустел – ни

одной машины. До начала матча оставались считанные минуты, когда Василий Павлович увидел фургон около молочного магазина. Водитель с радостью согласился доставить болельщиков на стадион. Пассажиры распорядились гнать прямо к правительственной трибуне, но возмущенный милиционер преградил путь молочному фургону. Увидев Мжаванадзе, он вытянулся во фрунт и отдал честь, молочный фургон припарковался среди правительственных черных «Волг».

– Какая отрасль народного хозяйства была для Василия Павловича приоритетной?

– Виноградарство. Он старался всячески поддерживать эту отрасль, не допускать фальсификации вин.

– В новой книге появятся неизвестные широкой общественности факты его биографии?

– Вам что-нибудь известно о тушинском деле? Вот и я о нем ничего не знала до недавнего времени. Дома не было принято обсуждать неординарные проблемы, которые, как я теперь понимаю, возникали постоянно. Их решения зависели от гибкости и правильных тактических маневров. Отец не боялся личной ответственности в урегулировании деликатных проблем. В 1955

году из Кремля пришла директива передать историческую грузинскую область Тушети нашим северо-кавказским соседям на том основании, что регион опустел, а территория соседей густо населена и для развития животноводства им нужны пастбища. Это было время, когда Хрущев с легкостью решал вопросы перекройки границ. Мжаванадзе связался с Хрущевым и попросил его отсрочить на некоторое время окончательное решение вопроса. Вместе с Алексеем Николаевичем Инаури, председателем КГБ СССР, и Гиви Дмитриевичем Джавахишвили, председателем Совета министров республики, он незамедлительно выехал в Омало. Оттуда на лошадях в сопровождении местных проводников объехал высокогорные селения. После чего был отдан приказ: доставить сотню армейских движков в кратчайшие сроки и в обстановке секретности в тушинские села. Хрущеву было доложено, что слухи о заброшенности региона не соответствуют действительности, люди в селениях живут, но часто остаются без света из-за аварий на линии. В настоящее время подача электричества восстановлена. В течение нескольких дней, пока над Тушети кружили самолеты-разведчики, с наступлением темно-

Сын Мжаванадзе Саша с Пиратом

Вид тушинского селения

ты врубали движки, и тушинские селения со сторожевыми башнями светились, как новогодние елки. Других доказательств обитаемости Тушети представлять не пришлось. Вопрос был снят с повестки дня.

Собирая материалы о том, что было сделано при Мжаванадзе в различных регионах, я обнаружила, что даже не знаю, бывал ли отец в Тушети, – продолжает Нина. – Тогда я попросила настоятельницу женского монастыря Шуамта расспросить тушинцев, когда они приедут на праздник Мариамоба, что они помнят об отце. Благодаря участию игуменьи Иоанны, я узнала эту историю и познакомилась с ее непосредственным участником. Через некоторое время ко мне в офис пришел человек, который в далекой молодости привел для Мжаванадзе лошадей, тогда ему было 17 лет, теперь это солидный мужчина, который имеет гостиницу в высокогорном селении и дом в Омало. По его словам, во всех тушинских домах до сих пор считается обязательным тош за Василия Павловича, который отстоял Тушети!

– Нина, спасибо за ваш рассказ. Со времен, когда Мжаванадзе был первым секретарем компартии Грузии, прошло более полвека. Это было время нашего хорошего детства и юности. И то, что Грузия за-

помнилась людям моего поколения веселой и деловой страной, есть большая заслуга Василия Павловича. От лица редакции желаю вам закончить новую книгу и поскорее открыть для посетителей мемориальный музей Мжаванадзе. Этого требует историческая справедливость.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. Сегодня говорить о руководящей роли партии принято с большой долей сарказма. Но надо признать, что без одобрения партии не мог бы получить «добро» ни один амбициозный проект советского времени. В годы руководства Мжаванадзе в грузинские населенные пункты были протянуты линии электропередач и газопроводы. Тбилиси и другие крупные города переживали строительный бум. В 1966 году в Тбилиси была пущена первая линия метро, это был четвертый по счету метрополитен во всем союзе. В Тбилиси построили Дворец спорта, принимавший турниры мирового уровня и звезд эстрады, гостиницу «Иверия», высотку нового корпуса Тбилисского университета. Грузия стремительно превращалась из аграрной в индустриальную республику: началось строительство ИнгуриГЭС, Руставского металлургического завода, Тбилисского машиностроительного, Зестафонского ферросплавного и многих других

крупных промышленных объектов. Переживали подъем науки, культура, сфера народного образования, туризм, кинематограф. Грузия выгодно отличалась от прочих союзных республик и большинства областей Российской Федерации изобилием в продуктовых магазинах, разнообразным ассортиментом товаров легкой промышленности. На чайных плантациях появились сконструированные грузинскими специалистами чаесборочные машины. Наиболее яркими событиями 50-60-х годов прошлого века стали празднования 1500-летия Тбилиси и 800-летия Руставели, поднявшие дух и национальное самосознание народа. Врезались в память победы грузинских футболистов, баскетболистов, борцов и теннисистов, огромной популярностью пользовались прославленные творческие коллективы. Если совсем коротко: народ был сыт, люди работали, справляли новоселья и особо не испытывали идеологического пресса.

Древнекитайский философ Лао-цзы сказал: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует». В большой мере это определение подходит к Василию Павловичу Мжаванадзе, который не внушал страха, не жаждал почитания, руководил спокойно и дальновидно.

Разработка операции «Барбаросса»

ПЛАН «БАРБАРОССА» И РЕЙХСКОМИССАРИАТ «КАВКАЗ»

■ Владимир ГОЛОВИН

Символом вероломства и бесчеловечности прозвучало 80 лет назад возрожденное слово «Барбаросса» – прозвище средневекового короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Гогенштауфена. Оно стало кодовым названием директивы 21 – стратегического плана внезапного нападения нацистской Германии на СССР, который начал выполняться 21 июня 1941 года. Без объявления войны и в нарушение дипломатических договоренностей, исковеркав судьбы миллионов людей. То же название получила и военная операция, проходившая по этому плану в первые месяцы Великой Отечественной войны. Гитлер любил символы, а пра-

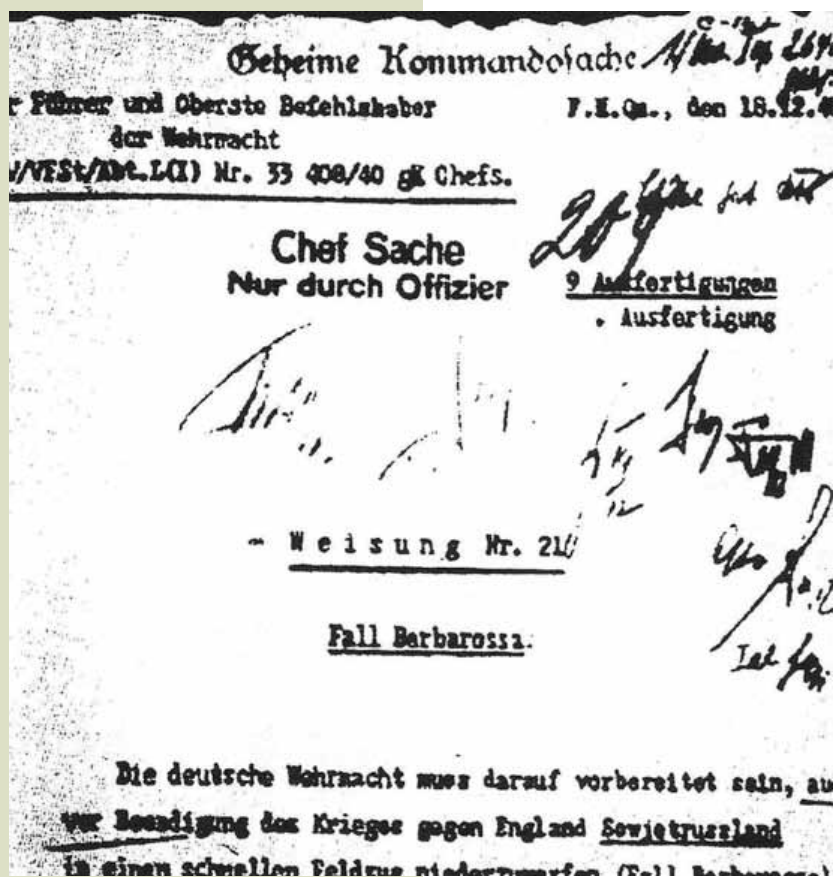
вивший в XII веке Барбаросса прославился своими завоевательными походами. План был рассчитан только на блицкриг – молниеносную войну, она должна была закончиться через два, максимум – три месяца. Но растянулась на 46 с половиной месяцев.

Разработку плана по молниеносному вторжению и завоеванию СССР в Берлине начинают еще летом 1940 года. К этому времени Гитлер полностью обладает властью в Германии, за год с небольшим завоевывает Австрию, Чехословакию, часть Литвы, Польшу, Норвегию, Данию, Голландию, Люксембург, Бельгию и Францию. Он мечтает построить великую империю, но для этого нужны огромные

промышленные и сельскохозяйственные ресурсы. А они – у Советского Союза.

План «Барбаросса» не сразу становится таким, каким он был 80 лет назад. 22 июля 1940 года начальнику Генерального штаба Сухопутных войск Францу Гальдеру поручается разработать несколько вариантов втор-

План «Барбаросса»

жения в Советский Союз. Уже через 9 дней Гитлер обрисовывает свое видение общей стратегии операции. Сначала план называется «Фриц», над ним работает начальник штаба 18-й армии генерал Эрих Маркс. Затем главный оберквартирмейстер – заместитель начальника Генштаба Сухопутных войск генерал Фридрих Паулюс и подполковник Управления планирования Верховного командования вермахта Бернхард Лоссберг дорабатывают план, и он уже называется «Отто».

Именно его 19 ноября одобряет главнокомандующий Сухопутными войсками Вальтер фон Браухич и через месяц представляет Гитлеру, который дает ему окончательное название «Барбаросса». Стремительное и глубокое продвижение танковых клиньев германской армии должно уничтожить советские войска на западе СССР и не дать боеспособным частям отойти вглубь страны.

Затем, стремительно преследуя противника, вермахт должен достичь рубежа, с которого советская авиация была бы не в состоянии совершать налеты на

Германию. Конечная цель «Барбароссы», то есть первого этапа войны с Советским Союзом – выйти на линию Архангельск-Волга-Астрахань и оттеснить Красную армию за Урал.

Фюрер в целом доволен планом, но вносит важную коррективу: разделить кампанию на два этапа. Вначале захватить Ленинград, Киев и Москву, а потом – стратегическая пауза. Во время нее армия отдыхает, укрепляется – морально и ресурсами разбитого противника. И лишь затем – окончательный победный рывок.

В июне 1941-го Германия атакует сразу по трем направлениям. По центру группу из 50 немецких дивизий и 2 немецких бригад ведет фельдмаршал Мориц фон Бок. У него – самые подготовленные и мощные танковые группы. Он должен захватить Минск и через Смоленск двигаться на Москву.

Продвижением на север 29 немецких дивизий и армии «Норвегия» руководит фельдмаршал Вильгельм фон Лееб. Его задача – захватить Прибалтику, установить контроль над выходами к морю, взять Ленин-

град и двигаться к Мурманску через Архангельск.

А самая большая по численности группа армий под командованием фельдмаршала Карла фон Рундштедта продвигается в южном направлении. В его подчинении – 44 немецкие дивизии, 13 румынских дивизий, 9 румынских бригад и 4 венгерские бригады. Их задача – захватить всю Украину и обеспечить выход на Кавказ. То есть они нацелены и на Грузию.

Чем закончились эти наступления знает каждый. Но не всем известно, что конкретно ждало Грузию и другие советские республики в случае победы нацистов. По этому вопросу Гитлер издает распоряжение «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях», на основании которого создается Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий. Руководить им назначается уроженец Ревеля (Таллинна) Альфред Розенберг, свободно говорящий по-русски, выпускник знаменитого МВТУ (Московского высшего технического училища).

Помимо кресла рейхсминистра, у него еще масса высоких должностей и титулов: начальник Внешнеполитического управления и уполномоченный фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), один из 25-ти партийных руководителей, получивших лично от фюрера ранг рейхсляйтера (титул, обозначающий принадлежность к высшей элите нацистской партии), звание обергруппенфюрера СА (генерал-лейтенанта военизированных формирований НСДАП).

Легко представить, как будет относиться к подчиненному ему населению оккупированных территорий этот автор таких фундаментальных понятий нацистской идеологии, как «расовая теория», «окончательное решение еврейского вопроса», «борьба с вырождением искусства». А ведь ему подчинялись несколько рейхскомиссаратов – особых административно – территориальных единиц на

территориях Восточной Европы и Закавказья, занятых войсками Третьего рейха и его союзников.

Эти колониальные марионеточные образования во главе с рейхскомиссарами (германскими наместниками) создавались по образу двух самых первых – «Норвегия» и «Нидерланды», просуществовавших с 1940 по 1945 годы. Первый рейхскомиссариат, созданный на территории СССР – «Украина» с центром не в Киеве, а в Ровно – включал в основном эту республику (за исключением нескольких западных областей), и часть белорусских земель. К нему планировалось присоединить Курск, Ростов, Воронеж, Тамбов, Саратов и Сталинград. Рейхскомиссариат «Остланд» с центром в Риге существовал на территориях Прибалтики и Западной Беларуси. Включить в него планировали Псков и Смоленск.

Другие рейхскомиссариаты гитлеровцы создать не успели, хотя еще в 1941-м были сформированы соответствующие управленческие аппараты. Их планировалось еще три. В «Туркестан» с центром в Казани или Ташкенте должны были войти все среднеазиатские республики, Казахстан, Алтай, Башкирия, Татария и, по некоторым данным, Марий Эл и Удмуртия. В

«Московию» заочно включили саму советскую столицу, Юго-Запад (центр – Тула), Центральную часть России с центром в Горьком, Северную часть (центр – Киров), и Северо-Запад с центром в Ленинграде, переименованном в Адольфсбург.

И, наконец, рейхскомиссариат «Кавказ» – один из самых жизненно важных для Третьего рейха. Центром его хотели сделать Тбилиси, «Кавказ» должен был раскинуться на площади в 500 тысяч километров от границ с Турцией и Ираном до Волги и Дона, включив в себя Астраханскую область. Тбилиси расценивался и как столица генерального комиссариата «Грузия». А таких генеральных комиссариатов в «Кавказе» планировалось еще шесть: «Азербайджан» (столица – Баку) с выделением Бакинской области в отдельное образование, «Армения» (Ереван), «Кубань» (Краснодар), «Терек» (Ставрополь), «Калмыкия» (Астрахань), «Горский» (Владикавказ), в составе которого – зондеркомиссариаты «Дагестан», «Чечено-Ингушетия», «Северная Осетия», «Кабардино-Балкария», «Адыгея», «Карачаево-Черкессия», «Кара-Ногайская область».

Во всех этих образованиях Розенберг собирался передать власть национальным элитам.

Но Гитлер заявил, что в «Кавказе», основой экономики которого должны стать добыча нефти и сельское хозяйство, и речи быть не может о самоуправлении. Всем могли руководить только немцы. Во главе германской администрации на Кавказе должен был стоять «имперский покровитель по Кавказу», или «наместник по Кавказу». Во главе отдельных районов намечалось поставить «наместников». И военная оккупация Кавказа предусматривалась на длительный срок.

«Имперского покровителя», который будет из Тбилиси управлять всем краем, в Берлине подыскивали тщательно. Сначала прозвучала кандидатура уроженца Риги, видного профессора-тюрколога Герберта фон Менде, который бегло говорил на русском, турецком, арабском, латышском и французском языках, имел степень доктора по славистике. Но оказалось, что он чересчур откровенно выражает симпатии мусульманам.

Потом хотели назначить статс-секретаря Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства Герберта Бакке. Казалось бы, он, как никто другой подходил в правители «Кавказа»: родился в Батуми, учился в 1-й Тифлисской гимназии, его дед по материнской линии Фридрих Ветцель был в столице Грузии владельцем знаменитого пивоваренного завода и роскошной гостиницы на Михайловском проспекте, гласным (членом) в Тифлисской городской думе и уполномоченным Коджорской посадской думы. А Бакке стал одним из ближайших помощников Германа Геринга и уполномоченным особого штаба «Ольденбург», созданного для вывоза имущества, захваченного на оккупированных территориях СССР. Но при этом он не был человеком Розенберга.

И окончательный выбор рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий остановил на начальнике штаба руководимого им Внешнеполитического управления нацистской партии, журналисте

Немецкие войска переходят границу СССР

Арно Шикеданце. Тот был другом его молодости, уроженцем Риги, тоже учился в Москве, а в Берлине, как ближайший помощник, 20 лет занимался разработкой «русского вопроса». Он говорил по-русски и хорошо разбирался в кавказской специфике.

Шикеданц, которому должна была подчиняться вся гражданская оккупационная власть, в своих «Записках о политическом будущем Кавказа» писал: «Завоевать симпатии кавказских племен – это значит получить от них все, что мы желаем: дополнительный источник питания, возможность широкого использования богатств страны, в частности нефти». Для этого он заранее уже сформировал себе управленческий аппарат

численностью в 1200 человек.

А право безжалостно карать и обязанность железной рукой поддерживать порядок были возложены на начальника СС и полиции рейхскомиссариата «Кавказ» группенфюрера Герета Корземана. Он был одним из организаторов массовых расстрелов евреев на Украине: 17.000 человек в Ровно, 12.000 – в Харькове и 33.000 – в киевском Бабьем Яру. Тут уж не стоит разъяснять, какую политику проводил бы этот изверг на Кавказе, в том числе и в Грузии, где евреи, не зная притеснений, живут 26 века.

Главой военной администрации «Кавказа» назначили генерала со странной фамилией Кох-Арбах. И он – единственный, кто успел поработать

в этом регионе, в тех областях Северного Кавказа, которые были оккупированы. Подчиненные ему полевые и местные военные комендатуры занимались расквартированием и снабжением войск, обеспечивали выполнение приказов командования и охрану порядка, формируя гражданские административные учреждения и вспомогательную полицию, охраняли различные объекты, контролировали издание газет.

В комендатурах населенных пунктов действовали штабы действующих частей армии, работали военный, полицейский, карательный, сельскохозяйственный, транспортный, регистрационный, финансовый и другие отделы. Там же действовали команды охраны и связных-мотоциклистов, писари и переводчики. Во главе комендатур – офицеры вермахта. Так на оккупированном Северном Кавказе оттачивалась система военного управления всем регионом.

Сейчас в СМИ нередко вспоминают планы различных немецких ведомств и предложения отдельных чиновников о создании после разгрома СССР независимой Грузии со своим собственным правительством. В частности, Министерство иностранных дел поддерживало концепцию Фридриха Вернера фон дер Шуленбурга, который хорошо знал и Кавказ, и Грузию. До Первой мировой он был германским консулом в Тифлисе, а с 1918 года возглавлял германскую дипломатическую миссию при правительстве Грузинской демократической республики.

Суть его идеи была в том, что главную роль в отношениях с покоренными народами СССР должен играть германский МИД во главе с Иоахимом фон Риббентропом, а не Министерство по делам оккупированных восточных территорий Розенберга. Предлагалось «поддерживать создание правительств нацменьшинств. Данные правительства должны быть признаны Германией в качестве союзников. В том числе долж-

Карта рейхскомиссариата «Кавказ»

ны быть созданы независимые Армения и Грузия. Под германской эгидой и на основе равноправия необходимо обеспечить вступление этих правительств в Европейское Объединение».

Были и другие подобные предложения, у многих существовало свое видение нового устройства Грузии и создания ее национального правительства. По этому поводу даже велась подготовительная работа с грузинскими эмигрантами в Европе. Но верх берет государственная концепция рейхскомиссариатов во главе с немцами. А Гитлер лично запрещает публично заниматься «рассуждениями о будущих

формах существования народов». В общем, как отмечает немецкий историк Г. Умбрайт, «...имелось много идей, но не было четкой концепции... национал-социалистская экспансия осуществлялась не столько по единому плану ведения войны, сколько на основе решений, диктовавшихся требованиями момента».

А какими нацисты видели судьбы покоренных народов независимо от того, кто ими будет управлять – непосредственно немцы или подчиненные немцам правительства?

Флаг рейхскомиссариата «Кавказ»

Давайте прочтем основополагающие цитаты на эту тему.

Фюрер и рейхсканцлер Адольф Гитлер: «...Первой задачей является создание великой Германии. Вокруг великой Германии мы создадим систему мелких и средних вассальных государств, в которую войдут прибалтийские государства, Польша, Финляндия, Венгрия, Югославия, Румыния, Украина и многочисленные южнорусские и кавказские государства. Это будет федеративная германская империя. Эти территории нужно заселить немецкими крестьянами, славян нужно частично уничтожить, а частично переселить в Азию, у остальных нужно отнять землю и превратить их в слуг господствующей германской расы».

Один из разработчиков генерального плана «Ост» по колонизации и германизации захваченных земель, референт по расовым вопросам в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий, доктор Эрхард Ветцель (кстати, не имеющий никакого отношения к тифлисскому предпринимателю): «Есть много путей подрыва биологической силы народа... Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится, между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа...». А

Геррет Корземан

Освобожденное село Северного Кавказа

далее – конкретные рекомендации по снижению рождаемости покоренных народов:

«Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т.п., мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Нужно говорить о большой опасности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей, и т. п. Наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Распространение этих средств и аборты ни в коей мере не должны ограничиваться. Следует всячески способствовать расширению сети абортариев. Можно, например, организовать специальную переподготовку акушерок и фельдшериц и обучать их производить аборты... Вполне понятно, что врачи также должны иметь разрешение производить аборты. И это не должно считаться нарушением врачебной этики».

Дальше – больше: «Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей ух-

Памятник погибшим защитникам Кавказа в Тбилиси

ду за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует... не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям. Наряду с проведением этих мероприятий в области здравоохранения не должно чиниться никаких препятствий разводам. Не должна оказываться помощь внебрачным детям. Не следует допускать каких-либо налоговых привилегий для многодетных, не оказывать им денежной помощи в виде надбавок к заработной плате».

В генплане «Ост» переселение немцев на захваченные территории и онемечивание некоторой, пригодной для это-

го части местного населения, поручалось войскам СС, уже имеющим опыт организации концлагерей, и уничтожения евреев с цыганами. Из письма Ветцеля рейхсфюреру Генриху Гиммлеру видно, что гитлеровцы собирались заселять порабощенные земли не сразу, а в течении 30-ти лет, оставив в итоге всего 14 миллионов местных жителей там, где были Польша, Украина, Белоруссия, республики Кавказа, страны Балкан и Прибалтики.

Не забудем, что все это должно было начаться 80 лет назад при осуществлении плана и операции «Барбаросса». Которые, к счастью миллионов людей, с треском провалились.

И когда мы, обнажив головы, думаем о раннем утре 22 июня, будем помнить, сколько человек отдали свои жизни, чтобы не стал действительностью рейхскомиссариат «Кавказ». Где порядок в вассальном государстве должен был «поддерживать» душегуб Корзман, а населению предстояло превратиться в «слуг господствующей германской расы». И где численность «чрезвычайно плодovitых народов Кавказа» регулировалась бы этой самой расой, в 1941-м убежденной, что с «Барбароссой» она делает важный шаг к мировому господству.

УЦХО

■ **Нина ШАДУРИ**

Лариса Исаева – выпускница экономического факультета ВГИКа, основатель первого в России частного актерского агентства «МАКС», генеральный директор кинокомпании «Д'МАКС», сооснователь театрального агентства «БогИс», продюсер, режиссер, актриса, художник.

Лариса очень мягкий и податливый собеседник. Но насколько же это впечатление обманчиво! Признаюсь со всей откровенностью – такого интервью в моей практике еще не было. Доводилось беседовать и с режиссерами, и с продюсера-

ми всех мастей и рангов, но я впервые встретила с профессионалом, который – с невероятной деликатностью и тактом рулил разговором сам. Корреспондент и сам не заметил, как задуманный план интервью рассыпался, а нежная продюсерская рука ласково направила его по другому руслу. Беседа шла и выстраивалась так, как того захотела сама Лариса – от настоящего к прошлому и снова к настоящему, по мистической цепи ассоциаций и ретроспекций.

Она – «уцхо хили» (не наш фрукт – груз.) и родная душа в одном лице, таинственная инопланетянка и самый открытый и доброжелательный из виденных

мною людей. Вот такой фьюжн. Убедитесь сами.

– **Сумасшедшие сейчас у вас дни, правда?**

– У меня не бывает не сумасшедших дней. Никогда. В Тбилиси мы жили на улице Шаумяна – я авлабарская. Меня везли из роддома, и пьяный таксист врезался в ту сторону нашей машины, где сидела мама со мной на руках... Дверца – всмятку. Так что с самого рождения жизнь заставляет меня группироваться. Может, я сама себе это придумываю? Но мне необходимо – если не начну придумывать, что будет дальше, то ничего и не произойдет. В свое время сама себе придумала профессию актерского агента и в 1992 году открыла первое актерское агентство в России, да и на всей территории бывших советских республик. И навсегда ушла на вольные хлеба.

– **Не страшно было?**

– Всегда страшно. И сейчас – когда на выпуске первый спектакль, когда я задумала сделать антрепризный театр, когда открываю кафе. Безумно страшно! И прежде всего потому, что я перфекционистка. Мне нужно все делать безупречно. Тем более спонсоров нет – я все делаю сама.

– **Вас не было в Грузии много лет...**

– Тридцать девять. Я боялась возвращаться в Тбилиси. А вернувшись, поняла, что мне нужно остаться. Дело было так: в апреле 2017 года я сидела в Москве, у меня все атрофировалось, мозги не работали, ничего не хотелось. Я понимала, что нужно сломать какую-то зону комфорта. Но как? И я кинула в фейсбук два слова: дайте мотивацию. Безадресно. Тут же откликнулась моя двоюродная сестра из Канады Вета Майсурадзе: дай номер твоего паспорта, встретимся в Тбилиси. Она сразу купила билеты. В июне я прилетела в Тбилиси, а 14 ноября 2017-го окончательно переехала. Через два месяца, 14 января, открыла свое первое кафе «Уцхо» на улице Кекелидзе.

Большая тбилисская семья

– **В День грузинского театра.**

– Да?! Как интересно! Очень символично! Это была моя многолетняя мечта: открыть что-то для друзей. Креатив в еде у меня от мамы. К тому же я очень люблю фьюжн и, бывая в разных странах, старалась что-то приметить, привезти, а потом добавить свое и создать новое. Возможность воплощения этой мечты именно в Тбилиси – совершенно грандиозная. Со всех сторон – супер. И я решила: Лара, пришло то время, когда твоя судьба, твоя родная Сакартвело, дает тебе такой шанс.

– **То есть дело пошло?**

– Пошло. Правда, не совсем так, как хотелось бы. Чтобы завоевать популярность у тбилисцев, нужно время, потому что в Тбилиси все происходит медленно – здесь медленно ходят, медленно кушают, никуда не спешат, опаздывают. И бизнес тоже развивается медленно. Кафе «Уцхо» переехало с Кекелидзе на Асатиани, потом на Грибоедова, 14, рядом с консерваторией. А в июне прошлого года я была вынуждена его закрыть. В первую волну пандемии мы работали на вынос. А еще – кормили людей, которые нуждались и голодали... Кафе открывалось в полдень, и бабушки со своими судочками уже

стояли. Молча. Каждый вечер я плакала... А как нам помогали! У нас стоял «столтик добра», и люди приносили продукты для нуждающихся. Вообще, все помогали друг другу. Помню, я покупала детское питание и геркулес для многодетной мамы. И вдруг она приходит и приносит пирожки – у меня, говорит, появилась мука и картошка, вот – пирожки пожарила... У себя в кафе я делала театральные вечера, вечера стендапа. И заморочилась идеей создания антрепризы, но – в новом формате: театр-кафе, театр-бар. Чтобы

Анатолий Исаев с сыном Максом

были интерактивные зрители, которые взяли бы бутылочку пива или бокал хорошего вина, слегка закусывали... Я в «Уцхо» разработала фирменные закуски – конфетки, насаженные на зубочистку – сырные, морковные, свекольные, из жареного геркулеса. В общем, эта идея во мне зрела. Мне казалось, что такой театральный формат пришелся бы тбилисцам по душе. Именно тбилисцам, а не туристам. Я хочу, чтобы зрителям после спектакля не хотелось расходиться, и они оставались в кафе, чтобы поделиться впечатлениями, общаться, знакомиться, обмениваться телефонами... Так было в моем первом «Уцхо». Думаю, так будет и сейчас в «Chaikhana Bazar» – на четвертом этаже торгового центра «Galleria». Даже не знаю, как это назвать? Театр в кафе? Театральный клуб? Наверное, название потом придет. А пока – «Уцхо театр». «Другой театр». Как и я.

– **Простите, но я спрошу... Вот, предположим, зритель пришел на спектакль великого Роберта Стуруа. Удобно ли в такой ситуации жевать и пить вино?**

– Потому я и говорю о новом формате. В моем театре зритель сможет пить вино. А крохотную закуску-конфетку и жевать не надо. Это никого не обидит.

– **Артист в данном случае –**

На съемках фильма «Антисекс»

не приложение к меню?

– Нет, нет, что вы!

– Давайте скажем, с каким спектаклем вы выходите к зрителю.

– «Обнаженка» – по пьесе Михаила Хейфеца «В ожидании Его». Это истории четырех женщин разного возраста. Они встречаются в одном месте, а перед этим каждая познакомилась в интернете с неким ухажером. Но «Он» не приходит, а у них начинается «обнаженка» души – у каждой есть свои скелеты в шкафу, одиночество, трагедии, желание любви. В спектакле заняты актрисы Грибоедовского театра Нина Калатошвили, Софо Ломджария, Мари Кития. Ну и я. Костюмы нам сшила по-

трясающий дизайнер Хатуна Кобахидзе, знаменитая «Хатко». Все артистки отлично владеют пластикой, в спектакле танцуют и твист, и шалахо. Спасибо замечательному хореографу Лексо Чумбуридзе, он поставил очень интересные танцы. Можно сказать, что он – мой соавтор. Я надеюсь, что вскоре мы наконец-то сыграем премьеру и откроем этим спектаклем антрепризный театр «Уцхо». А если спектакль понравится зрителям, то сделаем вариант и на грузинском языке.

– И все-таки, какая же вы «уцхо»? Вы же наша, тбилисская...

– Повторю – авлабарская. Мы уехали из Тбилиси, когда

мне было шесть лет. Но бабушка осталась здесь – в Нахаловке, на Гвазаурской улице, и все школьные годы я приезжала к ней на летние каникулы. В те годы в Грузии можно было обойтись без знания грузинского языка, и я его так и не выучила. Моя мама прекрасно говорила по-грузински, старшие брат и сестра окончили школу в Тбилиси. Это мне, мелкой, не повезло... Но я обязательно выучу! Просто пока совсем нет времени. Дорогие мои земляки, тбилисцы, что вам важнее – чтобы я что-то придумывала или учила грузинский? Думаю, вы меня простите и поймете.

– Пойдем. А теперь расскажите, пожалуйста, о ваших родителях.

– Мои предки по материнской линии приехали из России в Грузию в 20-е годы прошлого века, в период раскулачивания, и остались здесь навсегда. В 1941 году умер дедушка, и бабушка Марфа Николаевна осталась с двумя детьми – моей мамой и ее братом. Мама, Юленька Дмитренко, была удивительно красива – с вьющимися волосами, яркой улыбкой... Бегала на все спектакли Товстоногова в Грибоедовский, у служебного входа ТЮЗа поджидала любимого артиста – Евгения Лебедева... Золотая медаль в школе, красный диплом в педагогическом институте. К ней сватались видные женихи из знатных княжеских семей. Мама всех отвергала. А потом вся Нахаловка пришла в ужас – Юленька вышла замуж не за князя, а за какого-то лейтенанта Журкина из Батуми! Папа в 1943 году ушел на фронт. Вернулся уже из Маньчжурии в 1946-м, окончил военную академию в Ленинграде и продолжил службу в Тбилиси. Папа – тот человек, который меня сделал. Брал меня с собой во все командировки. Он был очень талантливым копиистом и подарил мне любовь к живописи. Помню, как здесь, на Авлабаре, он меня с утра «строил» – обливал холодной водой и запирал в комнате на ключ – пока я не нарисую, допустим, букет сирени, не отпирал. Хотя безумно меня любил. Потом, в Москве, водил меня по всем выставкам... Наверное,

многое в своей жизни я смогла сделать именно благодаря отцу. Его воспитанию... До сих пор помню адрес, по которому мы жили: улица Шаумяна 25, квартира 19. Приехав в Тбилиси, я пошла по Кетеван Цамебули, бывшей Шаумяна, дошла до дома 25, зашла во двор – железного стола нет, тутового дерева нет. Я смотрела на свои окна и вспоминала, как бабушка Марфуша ставила на широкий подоконник тарелку с борщом и кормила меня, приговаривая: «Лялечка, а вон солдат идет, а вон пьяный идет, ой, упал!» Я ахала, и ложка борща отправлялась мне в рот – я очень плохо ела. Я сидела в нашем дворе, и у меня было такое ощущение, что сейчас я выскочу из подъезда сама себе навстречу...

– Почему родители приняли решение уехать?

– Мама заболела тяжелой редкой болезнью – аддисоновой. Ей надо было обязательно поменять климат. Папа написал рапорт, и его перевели в Подмосковье – в Дмитров, по Савеловскому направлению. Помню, как я плакала, как скучала... Приехав в Россию, я так и не стала местной. Серьезно говорю. Уцхо – это не просто так.

– Но вы ведь прожили в Грузии всего шесть лет...

– А вы знаете, что характер формируется в первые три года жизни? Мало того, что я очень хорошо помню все, что происходило со мной в шесть лет, я помню, как в детстве мне снился Тбилиси, как я плакала по ночам и говорила: «Дедико, увези меня обратно! Я не хочу здесь!» Я не могла привыкнуть к закрытым дверям – у нас в доме у всех двери всегда были открыты. И вообще – если к тебе пришел человек, впусти, накорми, а уж потом – все остальное. Я привыкла жить именно так. И потом, спустя много лет, свою съемочную группу собирала, как семью, и кормила ее отдельно, специально, потому что понимала – с человека можно требовать только тогда, когда он сыт. Ездила на рынок и покупала свои «продюсерские пайки» – сало, колбасу, хлеб, шоколад, лимоны, зеленый лук, чеснок. Так, как я,

никто из продюсеров не делал. Только я – потому что авлабарская. В России для меня стало откровением, что людей делят по национальностям. Нет, я такого не принимаю. Ведь что такое Тбилиси, Авлабар? Это русские, украинцы, грузины, армяне, курды, цыгане, азербайджанцы... Национальность не имела никакого значения. Или ты хороший человек, или нет – другой категории не было. Я не обобщаю, поймите. Я говорю о том, с чем сталкивалась. А я часто сталкивалась со злобой и негативом. Если тебе хорошо, за тебя не порадуются. Порадуются, когда тебе плохо. Ну, казалось бы, чего проще? – сделай так, чтобы тебе было так же хорошо! Нет, ему хорошо, когда тебе плохо...

Мама тосковала по Тбилиси всю жизнь. Бабушка присылала из Тбилиси рассаду, и мама выращивала все-все-все и объясняла соседям, что это за травки, а они не могли понять, что такое, например, тархун. Чтобы не забыть язык, ездила на рынки и искала грузин – поговорить по-грузински. Часто возвращалась грустная – торговали в основном азербайджанцы. А еще мама особым образом проверяла наших избранников. Она накрывала грузинский стол и наблюдала,

как избранник ест. Если он с удовольствием ел сациви, харчо и зелень – все в порядке.

– Ваш избранник прошел тест?

– Да, однозначно.

– Где вы познакомились?

– В театральной студии режиссера и драматурга Владимира Книппера, племянника Ольги Книппер-Чеховой. Студию курировал знаменитый Виктор Манюков, профессор Школы-студии МХАТ. Студия действовала при ДК завода «Красный пролетарий». Помню, я приехала в Москву, купила мороженого минтая – мама попросила. И увидела объявление о наборе в студию. Села в автобус номер 5 и поехала аж на Ленинский проспект – поступать. Мне было 15 лет.

– Вдруг решили?

– Конечно, нет. Я хотела стать актрисой и была уверена, что я – чеховская героиня. Пришла в студию и говорю Книпперу: «Я хочу вам почитать». Начала читать что-то из Чехова. Книппер заржал. И сказал: «Я тебя беру. Только какая ты, на фиг, чеховская героиня? Тебе Островского надо играть». Владимир

На съемочной площадке

Лариса Исаева в ролях

Владимирович пригласил меня на отчетный спектакль, который они должны были играть на следующий день в филиале МХАТа на улице Москвина, сейчас это театр Наций. Конечно, я приехала. Надела свою единственную юбку, единственный свитер – и приехала. Перед спектаклем на сцену вышли Иннокентий Смоктуновский, Анастасия Зуева и представитель студии – Анатолий Исаев. Я посмотрела на него и мысленно себе сказала – он будет моим мужем... А вскоре я, пятнадцатилетняя, сыграла у Книппера Арину Петровну Головлеву в спектакле «Иудушка». Иудушку играл Толя Исаев, как всегда, виртуозно... В 19 лет я, как сама предсказала, вышла за него замуж. Толя с красным дипломом окончил Институт геодезии и картографии, изучал испанский с погружением, потому что должен был ехать в Латинскую Америку. И всю жизнь мы с ним пели под гитару «Кукарачу» и «Бесаме мучо»... Актером он не стал, хотя был очень одаренным.

– И вы тоже. Почему?

– На актерский во ВГИК я не поступила в силу причин, о которых мне не хотелось бы говорить. И я пошла на экономический факультет ВГИКа. Потом работала в ССОДе, Союзе советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, у Валентины Терешковой. Пришла машинисткой, а уходила ведущим экономистом Управления делами. Потом все бросила и пошла в обычные ассистенты на картину «Детство Темы» к Лене Стрижевской, которая тоже вышла из студии Книппера. Это была первая картина Лены и мой первый опыт кастинга. Лена хотела, чтобы в фильме снялись Армен Джигарханян и Зиновий Гердт. Все смеялись: «Вы что, с ума сошли? Детская картина, платят копейки! Никто из них к вам не пойдет». Но я добилась своего, и в итоге у нас снимались и Армен Борисович, и Зиновий Ефимович. Я их привозила-отвозила, заваривала им травяные чаи, пироги пекла. Никто так не делал. Но я всегда поступала, как уцхо. После «Детства Темы» работала ассистентом на картине Евгения Герасимова «Ричард Львиное Сердце». Подбирая ак-

теров, в картотеке студии Горького наткнулась на фотографию молодого актера. И остолбенела – Ричард! Это был Саша Балуюев. Я побежала смотреть его в театре. Тогда в Москве шли одновременно два «Калигулы» – с Балуюевым в постановке Житинкина в театре Армии и с Меньшиковым в театре Моссовета в постановке Фоменко. Ермоловский Калигула мне понравился больше – он был интереснее. И я, конечно, кинулась к Герасимову: «Женя, я нашла Ричарда!» На роль пробовалось огромное количество актеров. Но Ричарда сыграл Саша Балуюев.

В один прекрасный день Саша сказал: «У нас в театре есть Галя Боголюбова. Помоему, вас надо познакомиться». Я тогда не знала, что Галя – это абсолютное Явление в театральном мире, легендарнейший завлит – в театре «Ромэн», затем в «Современнике», затем в театре Ермоловой у Фокина. Мы сдружились сразу. И сразу же решили делать театральное агентство. И сделали – «Богис». Как вы понимаете, это аббревиатура – Боголюбова-Исаева. А тут как раз из Лондона вернулся с Ванессой Редгрейв Есенина, привез дневники Нижинского. Леша Бурькин, молодой актер театра-студии Олега Табакова написал пьесу. И мы взялись делать этот спектакль – Нижинский и Дягилев, Олег Меньшиков и Александр Феклистов. Его вспоминают до сих пор – он был совершенно уникальным. Я была продюсером, Галя – художественным руководителем. Мы придумали играть не в театре, а в музыкальной школе на Пречистенке, в обычном актовом зале. Маленькая сцена, одно из окон – раскрыто настежь. Самое знаменитое – финал. Нижинский спрашивает: «Ты видел балет «Видение розы»?» Дягилев: «Нет». – «А я ви...» И тут Олег разбегается и бабочкой вылетает в окно – на улицу. Зал в ужасе ахает. Конечно, за окном стояли леса, лежали маты, но это было безумно рискованно. Вся Москва стояла на ушах. Попасть к нам было невозможно... Всего состоялось 13 показов в Москве и 7 показов в Питере.

– А почему так мало?

– Не потянули финансово... Кроме того, к тому времени я уже открыла актерское агентство «Макс» и пошла в кино. Галя как чисто театральная человек кино ненавидела. И мы решили, что «Богис» останется театральным агентством.

– Дела у вашего агентства пошли сразу?

– Знаете, как было поначалу? Приезжаю на площадку. «Ты кто?» – «Агент актера». – «Пошла вон!» Именно мне приходилось ломать такую ситуацию. Нужно было убеждать, доказывать... Первые два года не было денег на аренду офиса, и офис находился у нас дома. Помню кайф первых кастингов – актеров выбирали Митта, Абдрашитов, Хотиненко... Я убедила Хотиненко взять Сашу Балуюева на роль Федора в картине «Мусульманин», и он получил «Нику» за эту роль. Через мои руки прошли очень многие – и Дима Певцов с Олей Дроздовой, и Леша Серебряков, и Ингеборга Дапкунайте, и Чулпан Хаматова... Я с ними работала по несколько лет. И очень рада, что мои договоры до сих пор берутся за основу – они идеально юридически выверены в защиту актера... А потом я открыла кинокомпанию – очень хотела делать кино. Как продюсер

сделала картину «Дура», как режиссер – «Антисекс». А как актриса я удовлетворилась, снимаясь у своих друзей, – у Сережи Белошникова, у Лены Райской... Снялась в своей картине «Дура» и сэкономила на актерской смете, сыграв эпизод. Я понимаю, что правильно поступила, став не актрисой, а продюсером. У меня независимая профессия. К тому же я могу себе позволить сниматься в своих картинах. Не наглюю – никаких главных ролей. Рязанов разрешал себе эпизоды, и Данелия разрешал. Ну и я тоже. Почему нет?

– Все-таки я не совсем понимаю... Вы были востребованы в Москве как продюсер, режиссер, актриса, ваши актерское агентство и кинокомпания активно работали. Но вы говорите, что свою миссию там завершили. В чем же она состояла, ваша миссия в Москве?

– Научиться всему тому, что я могу реализовать здесь. К тому же я не делю города по уровню амбиций. Я сама могла бы поменять зону комфорта в Москве на Лос-Анджелес, к примеру. Мне предлагали. Тем более Лос-Анджелес напоминает Тбилиси.

– Неужели?

Кафе «Utskho NaturAle»

Наталья Воронюк, Лариса Исаева, Нина Калатозишвили, София Ломджария

– Да. Там так же жарко, так же все делают не торопясь. Там все очень расслабленно, почти скучно. В отличие от Нью-Йорка, где скорость, драйв и здоровый образ жизни! Хотя на студии «Парамаунт», куда нас пригласили на переговоры, рабочий день начинается в 7 часов утра. Помню, я увидела в коридоре актеров с текстами и спросила: «Это массовка?» – «Нет, – ответили мне, – это звезды телевидения, они пришли на пробы». В семь утра! А в Москве актеры говорят: «Ах, у меня лицо просыпается только после 12-ти дня». До свидания и тебе, и твоему лицу. Я вам так скажу: мне в Москве стало очень скучно. А здесь у меня уйма идей, и их можно реализовать практически без денег.

– Да, это довод.

– В Москве я бы в жизни не открыла свое кафе – на те скромные средства, которые у меня есть, точнее, которых уже практически нет. Я открываю кафе – и я рискую. Но Тбилиси продолжает давать мне шансы работать дальше. Спасибо, Тбилиси. Я не собираюсь прохладиться. И пока не в маразме, стараюсь что-то придумать, чтобы моему родному городу было хорошо. Я была чужой там и не-

много чужая здесь, хотя это моя родина. Но я ассимилируюсь, потому что поняла, как сильно люблю Грузию, Тбилиси.

– Как я понимаю, любовь взаимна.

– Да! Тбилиси меня обнимает, и я забываю про свое сиротство. Мой сын – в Москве, племянница Юля – в Зеленогорске под Питером...

– Ваш сын тоже «уцхо»?

– Конечно, это же «заразно». Макс – компьютерщик, занимается 3D анимацией... И никак не может вырваться в Тбилиси – у него все время какие-то проекты. А я его зову – вдруг он встретит здесь свою любовь, как Грибоедов – Нину Чавчавадзе. Мы с Максом – большие друзья. Особенно сблизилась после ухода Толи. Его не стало 15 лет назад. Он ушел внезапно. Ох, как я помню тот день... Мы учились жить без Толи. Один час без него, два часа без него, три часа... День... Пятнадцать лет... Он был для нас всем. Заменял мне отца, которого я боготворила. Был лучшим другом. Растил Макса, был для него и папой, и мамой. Оставил геодезию, окончил бухгалтерские курсы и вел все финансовые дела нашего агентства. Я моталась

по съемочным площадкам, работала круглые сутки, деньги зарабатывала, а Толя был такой опорой! Да и вообще – мы все делали вместе.

– Совсем скоро состоится премьера вашего первого спектакля. А какие планы?

– У меня есть совершенно дивная монопьеса, подаренная мне драматургом Андреем Васильевым. В апреле 2020-го мы с Андреем ударили по рукам, и вскоре я написала ему в фейсбук, что готова начать. Он не отвечал... Я вошла в его аккаунт и увидела, что он умер от ковида в июне прошлого года. Ему был 41 год. Конечно, я проревела весь день и поняла, что мне обязательно надо поставить этот спектакль – в его память. Я связалась с его вдовой, Викой Ореховой. Она откликнулась: «Конечно, ставьте!» Эта пьеса – настоящий подарок для актрисы. Героиня вспоминает шестерых мужчин в ее жизни. Воспоминания приводят и к очищению, и к обновлению. Я хочу поставить пьесу с Софиико Ломджария. Она замечательная актриса и уже заслужила свой моноспектакль – это совсем не упрек Грибоедовскому театру, где она востребована. Дальше в нашем репертуаре появится спектакль, в котором будут задействованы мужчины. Замечательный драматург Ольга Манько прислала мне два потрясающих произведения. Действие одной пьесы происходит в баре, действие второй – в зале суда. Уповаю на актерские таланты. Тут во мне включается многолетний опыт кастинга, потому что в данном случае попадание на роль должно быть стопроцентным. А еще летом 2019 года я начала снимать документальный фильм, но раскрывать детали проекта пока не хочу.

– Ну что ж, удачной премьеры, счастливого открытия кафе «Уцхо» и «Уцхо-театра»!

– Спасибо. Я посвящаю мой спектакль маме и всем девочкам военных лет, которые любили театр и в середине прошлого века бегали на все постановки ТЮЗа и Грибоедовского. Может, в этом и состоит моя миссия?

«ДОРОГА ЦВЕТОВ» ЛЮСИ АРТЕМОВОЙ

От нас ушла заслуженная артистка Грузии Людмила Ивановна Артемова-Мгебришвили. Не стало нашей любимой Люси. Невозможно осознать, невозможно смириться с потерей. Казалось, что Людмила проживет долгую жизнь. Ведь она никак не соответствовала своему биологическому возрасту. Была молодой, энергичной, подтянутой, с внутренним стержнем, творчески интересной в каждой новой роли... Профессионал высшей пробы с безупречной сценической речью и внешностью, отдавшая пятьдесят лет грибоедовской сцене, сыгравшая здесь около ста ролей. Некоторыми из них Людмила Ивановна особенно дорожила. Это ее дебютная роль Тани в спектакле Петра Фоменко «Дорога цветов» В. Катаева, Таня из спектакля Александра Товстоногова «Прощание в июне» А.

Вампилова, Ольга из «Сестер» Л. Разумовской в постановке Гизо Жордания, Раневская в чеховском «Вишневом саде» Гоги Кавтарадзе, работами в постановках последних лет Авто Варсимашвили, в которых талант актрисы открылся особенно ярко – «Женитьба», «Ревизор» и «Шинель» Н. Гоголя, «Маяковский», «А.Л.Ж.И.Р».

Режиссеры любили с ней работать, ценили ее школу, ум, интеллигентность, надежность, умение находить общий язык с коллегами, партнерами по сцене. Люся была доброжелательным, светлым человеком – не забыть ее чудесную улыбку, буквально освещавшую красивое лицо актрисы; неравнодушным, готовым прийти на помощь в сложных обстоятельствах.

И еще Люся до самозабвения любила свою семью.

Грибоедовцы в растерянно-

сти, подавлены. Люся была занята в большинстве спектаклей репертуара, и ее очень сложно заменить. Не потому что в труппе нет одаренных актрис – просто Люся была Люсей, с ее особенной органикой существования на сцене, только ей присущим обаянием. Прощайте, Людмила Ивановна!

Художественный руководитель театра Грибоедова **Авто Варсимашвили**:

– У нас в театре горе – скончалась актриса Людмила Ивановна Артемова. Конечно, весь коллектив театра глубоко скорбит по своей ведущей актрисе, но лично для меня это и горе, и ужас, не могу поверить в этот бред, что нет больше моей любимой, дорогой Люси. Нет актрисы, которая сыграла во всех спектаклях, поставленных мною в грибоедовском театре за 22 года. Нет моей подруги, с которой мог часами говорить на любые темы, нет моей соратницы, с которой мог пойти в любой бой. Не знаю, что сказать, нет таких слов, чтобы выразить боль утраты.

Директор театра имени Грибоедова заслуженный деятель искусств России, заслуженный артист России **Николай Свентицкий**:

– Трудно сейчас осознать случившееся – это произойдет позднее... Вся жизнь прожита вместе, рядом с этим удивительным, родным человеком. Тяжелая утрата! Но светлые воспоминания всегда будут сильнее смерти. Мы пережили с Люсей и печали, и радости. Людмила Артемова переступила порог театра Грибоедова полвека тому назад! Спасибо Люсе за эти пятьдесят лет! Она навсегда останется в наших сердцах!

Народная артистка Грузии и России **Ариадна Шенгелая**:

– Не могу смириться с тем, что Люси – светлого, доброго, умного, красивого человека больше нет на свете. Как я теперь буду обходиться без нашего ежедневного общения, наших философских разговоров по телефону? Мне так этого будет не хватать! Она была

Л. Артемова в спектакле «Яма»

сильной, мудрой, надежной, со стержнем. Как никто умела поддержать словом и делом тех, кто в этом нуждался! Какое странное время мы переживаем, мы привыкаем жить в постоянном страхе за близких, мы привыкаем к смерти. Но есть смерти, как вырванный из тебя кусок плоти, и эта боль не уйдет никогда. И жить, и дышать по-прежнему уже невозможно. Прощай, наша дорогая, любимая девочка!

Заслуженная артистка Грузии **Замира Батиашвили-Григорян**:

– Очень больно, когда уходят близкие люди. Больно, что есть вещи непоправимые, так устроена жизнь. И казалось бы, все знают, что такое вообще когда-нибудь должно случиться, но это когда-нибудь. А в душе желание – никогда.

Человек болеет, тяжело болеет, и вроде исход ожидаемый, и все равно всем больно и все страдают. Но когда неожиданно уходит здоровая, красивая, улыбочивая, остроумная и многое-многое другое, женщина, актриса, близкий и дорогой тебе человек – это шоковое состояние. Не веришь в это, не хочешь верить в непоправимое. Хочется повернуть время назад и понимаешь, что уже ничего не скажешь, не сделаешь. Начинаешь сожалеть, что многое не сказано: не договорил, не дописал, не досказал, а человека

уже нет. И на всем этом стоит печать – поздно.

Говорить хорошие, теплые слова, совершать хорошие поступки, поддерживать друг друга – все нужно делать вовремя, пока мы это можем, чтобы потом не сожалеть.

Умная, красивая, не похожая ни на кого, незаменимая для театра. Каждый человек незаменим. Каждый. И все разные, все непохожие. Будут другие, но только вот такой, как Люся, не будет.

Мы не были очень близкими друзьями, но было замечательное время в театре – товстоноговское время. Спектакли, репетиции, застолье после спектаклей – все были вместе, радовались и любили друг друга, и до сих пор это чувство общности, коллегиальности, молодости осталось в каждом из нас, грибоедовцев. Потому ощущение потери и боли огромно. Не забудется Люсино очарование, остроумие, готовность помочь, доброжелательность и все то, что в ней было.

Народная артистка Грузии **Елена Киносанидзе**:

– Что писать о Люсе? Что она моя лучшая подруга, яркая актриса, красавица, чуткий, добрейший человек? Это все естественно вписывалось в ее жизнь. Я собиралась приехать в Тбилиси в конце лета. Люся ждала меня. Опоздали. Нет, я приеду, Люся, я приду к тебе. Встреча будет другая. Странно! Страшно...

Народный артист Грузии **Борис Казинец, Светлана Казинец**:

– Потрясены кончиной любимой подруги, нашей красавицы Люсенки! Одна из прекрасных актрис Грибоедовского клана, создавшая удивительные образы на сцене нашего театра. Прекрасная партнерша – играть с ней на сцене было одно удовольствие! Уходят «могикане» – до боли жаль! Соболезнуем семье и нашему коллективу.

Драматург, писатель **Петр Хотяновский**:

– Это очень, очень печально. Красивое, умное и талантливое лицо театра. Истинная и предан-

ная «грибоедовка». Царство небесное...

Заслуженная артистка Грузии **Ирина Квицинадзе**:

– Ушла Люся неожиданно, страшно, непоправимо, и с ней ушел целый мир, где она была счастлива и несчастна, права и неправа, где она любила... и все! Потеря ужасная для всех, для театра.

Актер **Валерий Харютченко**:

– Люся, дорогая, как же так? Зачем? Почему? Можно сколько угодно задавать эти вопросы, но Люси больше нет. Вернее, она есть и будет, но только в нашей памяти. Сколько и печали, и радости прожито и преодолено вместе. Позади целая жизнь. В один день, в один час и минуту мы с Люсей одновременно вошли в здание Дома культуры железнодорожников, где тогда располагался театр Грибоедова. «Какая красивая девочка!» – подумал я тогда. Мы вместе мечтали, надеялись, спорили, поддерживали друг друга, подумывать только, целых полвека. В нашей биографии, конечно, кроме родных людей, – спектакли и наши роли. Ведь в этом главный смысл жизни актеров. В этом особенность нашей любви, полной тревоги, борьбы и вдохновения. Премьеры, гастролы, фестивали. Мы росли на произведениях Вампилова, Шукшина, Куприна, Толстого, Островского, Чехова, Гоголя, они были нашими мудрыми учителями. Предстояла работа над «Темными аллеями» Бунина, история нашей любви, но, увы... Бегут дни, месяцы, годы. И вот совершенно неожиданно наступает особая пора, и от этого никому не уйти. Это пора прощания, пора последнего приюта. А там – великая тайна. Прощай, дорогая Люся, мой друг, мой партнер! Царство небесное твоей доброй душе...

Актриса **Алла Мамонтова**:

– Выражаю глубокое соболезнование родным и близким, а также нам, грибоедовцам. Невосполнимая потеря! Театр осиротел! Люся всегда будет с нами, пока мы живы!

Режиссер, драматург, музыкант, поэт **Заур Квижинадзе**, актриса, продюсер **Валентина Кудряшова**:

– Знали, что в прекрасном Тбилиси у нас есть любимая, дорогая, очень близкая и родная душа. Любили, любим и будем любить. Родная, любимая, неповторимая наша Люха! Почему ты ушла от нас?

Люха

(Посвящается Людмиле Артемовой-Мгебришвили)

На полке, чуточку левей,
Кассета с Люхойю моей...
Твой голос нежно я храню,
Не разобью, не уроню,
Ведь если очень захотеть,
Ты даже можешь мне пропеть,
Все то, что пела ты в «Ключе»,
Совсем не на моем плече,
Но я был рядом, я был там!
И танцевал на сцене сам!
И зал тебе рукоплескал!
А я был горд, что написал,
Все то, что пела ты для них,
Для верных зрителей своих!
Теперь, когда ты далеко,
О прошлом думать нелегко,
Но помню сцену и тебя,
И просто слушаю, любя...

Актер, режиссер **Анатолий Смирянин**:

– Красивая, душевная и талантливая! Такой она останется в памяти и сердцах!..

Л. Артемова в спектакле «Шинель»

Царство небесное.

Актер **Аполлон Кублашвили**:

– Мы еще не ощущаем, какая это утрата. Мы потеряли маму Грибоедовского театра...

Актер **Иванэ Курасбедиани**:

– Когда я только-только начинал, Людмила Ивановна научила меня тому, что в дальнейшем в положительном смысле послужило моему существованию в профессии – не спорить с режиссерами. Цитирую: «Нет на свете режиссера, который хотел бы плохого для своего спектакля, он всегда прав». Светлая память!

Актриса **Ирина Мегвинетуцеси**:

– Очень тяжело что-то говорить. Горе... Пустота... И нежелание мириться с дикой, нелепой мыслью, что Люси больше нет... Спасибо за все, дорогая. Покойся с миром.

Актер **Слава Натенадзе**:

– Люся... 2004 год. «Играем Чехова». Мое первое знакомство с Грибоедовским театром. «Хороший конец» – этот отрывок мы играли вдвоем – Людмила Ивановна была моей первой партнершей на русской

сцене. Это был каскад юмора, я чувствовал себя абсолютно раскрепощенно, хорошо и свободно (а это важно для грузинского актера, играющего на русском), а потом пошло и пошло...

Говорят, человек познается в гастрольных поездках – потрясающе внимательная (и без преувеличения спортивная). Сколько городов мы с ней исколесили, много ходили пешком (она любила это), я уставал, а она – нет... Такой я запомню Люсю навсегда. Жалко... жалко до слез...

Актриса **Светлана Конюшенко**:

– Первый раз я увидела Люсеньку на репетиции спектакля «Прощание в июне». Ей 26 лет, была удивительной красоты. Потом еще много замечательных спектаклей и 25 лет работы вместе. Это просто шок... Соболевания семье, для театра уход Люси – невосполнимая утрата. Незаменимые есть. Царствие небесное!

Актер, продюсер **Дмитрий Мрикотенко**:

– Ужасно, горько, несправедливо... Я познакомился с Люсей, когда мне было 10. Даже на поклон выходили вместе. А попрощался 2 года назад. Аккуратно хранил записку с Люсиной просьбой, но не успел ее выполнить. Говорят, мужчины не плачут. Плачут...

Актер, поэт **Юрий Юрченко**:

– Люся!.. Светлая память... Навсегда для меня останется юной, красивой – из «Прощания в июне»... Скорблю с вами, дорогие мои. Не стало заслуженной артистки Грузии, любимой многими поколениями зрителей актрисы Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова Людмилы Артемовой-Мгебришвили.

Ушел из жизни близкий и родной всем нам человек, женщина исключительной красоты и невероятной духовности. Каждый, кто видел ее на сцене, кто общался и дружил с ней, даже те, кто хотя бы один раз встретились с ней взглядом, обменялись репликами, или просто при-

Людмила Артемова-Мгебришвили

коснулись к ней, уже никогда не смогут забыть эту прекрасную неповторимую женщину.

Мы, все те, кому посчастливилось работать, дружить и просто общаться с нашей дорогой Люсей, сегодня находимся далеко от солнечного Тбилиси. Но мы скорбим вместе с ее родной для нас семьей, с родным театром, со всеми вами, которые имеют возможность проводить нашу любимую Люсенюку в последний путь.

Ее светлый образ навсегда останется в наших сердцах.

Елена Килосанидзе, Лариса Крылова, Лариса Некипелова, Светлана Головина, Василий Товстоногов, Владимир Семин, Александр Раквиашвили, Татьяна Ельчанинова, Анатолий Смиранин, Татьяна Загребельная, Ирина Подкопаева, Игорь Пилиев, Елена Чарквиани (Москва), Ирина Сташевская (Минск), Александр Топурия, Инна Савронская, Гарри Параджанов, Елена Пискунова (Москва), Марина Николаева, Ника Квижинадзе, Татьяна Иванова (Москва), Земфира Бокоева (Горький), Волемир Грузец, Тамара Соловьева (Калининград), Борис

Казинец, Светлана Казинец (Вашингтон), Алик Арутюнов (Нью-Йорк), Юрий Юрченко (Париж), Замира Григорьян, Алексей Батиашвили (Лондон), Роман Пахлеванянц (Чикаго), Нина Иоффе (Израиль), Виктор Гордиенко, (Санкт-Петербург), Татьяна Лаврентьева (Лондон), Алла Конт (Санкт-Петербург), Валентина Кудряшева, Владимир Бурмистров (Москва), Светлана Варданян, Лика Сванидзе, Владимир Левицкий (Киев), Валентина Демченко (Санкт-Петербург), Рита Минеева, Андро Окромчедлишвили, Софья Черкезишвили, Роберт Манукян, Заур Квижинадзе (Москва).

Министерство культуры, спорта и молодежи Грузии глубоко скорбит в связи с кончиной актрисы Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С.Грибоедова, заслуженной артистки Грузии Людмилы Артемовой-Мгебришвили.

Людмила Артемова-Мгебришвили на протяжении 50 лет была ведущей актрисой Грибоедовского театра и создала неза-

бываемые сценические образы во многих спектаклях. Особенно впечатляюще были исполненные ею роли в спектаклях: «Забыть Герострата», «Двери хлопают», «Вишневый сад», «Тереза Ракен», «Мастер и Маргарита», «Холстомер», «Гетто», «Ханума», «Сны о Грузии», «Женитьба», «Пять вечеров», «А.Л.Ж.И.Р.» и других.

Роль в спектакле «Хранители Грааля», исполненная ею на сцене театра Марджанишвили, пользовалась большой и заслуженной популярностью. Людмила Артемова-Мгебришвили была награждена медалью имени Александра Пушкина. За участие в спектакле «А.Л.Ж.И.Р.» в 2017 году актриса была удостоена награды имени Верико Анджапаридзе.

Министерство культуры, спорта и молодежи Грузии выражает глубокие соболезнования семье Людмилы Артемовой-Мгебришвили, коллективу театра им. А.С. Грибоедова и всей театральной общественности Грузии.

Театральное общество Грузии искренне скорбит в связи с кончиной Людмилы Артемовой-Мгебришвили. Творческий союз Театральное общество Грузии с глубоким прискорбием извещает о смерти ведущей актрисы Тбилисского государственного академического русского драматического театра, заслуженной артистки Грузии Людмилы Артемовой-Мгебришвили.

Госпожа Людмила служила в театре 50 лет, работала с такими легендарными режиссерами, как Петр Фоменко, Александр Товстоногов, Гизо Жордания, Георгий Кавтарадзе, играла во всех спектаклях Автандила Варсимашвили.

В арсенале актрисы много блестяще исполненных ролей на сцене родного театра, среди которых «Сон в летнюю ночь», «Сестры», «Закон вечности», «Вишневый сад», «Тереза Ракен», «Мастер и Маргарита», «А.Л.Ж.И.Р.».

Театральное общество Грузии скорбит по поводу невосполнимой утраты и выражает соболезнования семье покойной и коллективу театра имени Грибоедова.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

**Пасхальный родник у Театра
марионеток Резо Габриадзе**

Фото Александра Сватикова